

0-801479

На правах рукописи

Габдрафикова Лилия Рамилевна

**ФОРМИРОВАНИЕ СТИЛЯ ЖИЗНИ
ТАТАРСКОГО БУРЖУАЗНОГО ОБЩЕСТВА
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА)**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Казань – 2013

Работа выполнена в отделе новой и новейшей истории ГБУ «Институт истории им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан»

Научный консультант: **Хабутдинов Айдар Юрьевич,**
доктор исторических наук, профессор

Официальные оппоненты: **Маслова Инга Владимировна,**
доктор исторических наук, доцент, профессор
кафедры всеобщей и отечественной истории
Елабужского института ФГАОУ ВПО «Казан-
ский (Приволжский) федеральный универси-
тет» (г. Елабуга)

Мухамедов Рашит Алимович,
доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры истории ФГБОУ ВПО
«Ульяновский государственный педагоги-
ческий университет им. И.Н.Ульянова»
(г. Ульяновск)

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КФУ

832949

Танров Наиль Измайлович,
доктор исторических наук, доцент кафедры
отечественной и зарубежной истории
ФГБОУ ВПО «Казанский государственный
университет культуры и искусств» (г. Казань)

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Вятский государственный
гуманитарный университет» (г. Киров)

Защита состоится **20 сентября 2013 г. в 10 часов** на заседании Совета по защите докторских и кандидатских диссертаций Д 022.002.01 при Институте истории им. Ш.Марджани Академии наук РТ по адресу: 420014, г. Казань, Кремль, подъезд № 5.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института истории им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан по адресу: 420014, г. Казань, Кремль, 5-й подъезд.

Электронная версия автореферата размещена на официальных сайтах ВАК Министерства образования и науки РФ <http://vak.ed.gov.ru> и Института истории им. Ш.Марджани АН РТ <http://www.tataroved.ru>.

Автореферат разослан « 1 » августа 2013 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат исторических наук

Р.Р. Хайрутдинов

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Возросший в последние годы интерес государства и общественности к российской истории, обусловленный во многом необходимостью создания национальной идеи, требует более тщательной ревизии фактов прошлого и реконструкции объективной исторической картины. Из существующих научных подходов, наиболее перспективным является историко-антропологический, который ставит во главу угла интересы «человека в обществе», рассмотрение индивида в самых разных его проявлениях (ментальности, интеллекта, эмоций, культуры, дискурса, гендера и т.д.)¹. Именно через всестороннее изучение «человека во времени» (по выражению М.Блока²), с его стереотипами, стремлениями, социальными связями возможно постижение истории и самое главное, извлечение определенного опыта для настоящего.

В современной России в течение двух последних десятилетий были проведены серьезные преобразования во властных структурах, в экономике и социальной сфере. Данные изменения оказали существенное влияние и на образ жизни россиян, и на его производную – стиль жизни. Потребительская культура занимает одно из важных мест в повседневности современных россиян. Поэтому особую злободневность приобретают научные задачи, связанные с изучением буржуазного развития социума: ценностных ориентиров, мотивов действия, форм самоорганизации, культуры повседневности и т.д.

В этой связи представляют интерес процессы, происходившие в Российской империи во второй половине XIX – в начале XX века, когда буржуазные преобразования охватили практически все стороны жизни. Динамичное развитие рыночных отношений, появление новых форм общественных органов управления, уменьшение роли сословий, выделение социально-профессиональных групп, рост публицистической активности свидетельствовало о появлении прообраза гражданского общества. Некоторыми исследователями для обозначения общественных настроений данной эпохи введено понятие «гражданская идентичность», которое является «симптомом и в то же время движущей силой зарождающегося гражданского общества»³. Кроме того, буржуазное время было связано с

¹ Репина Л. «Новая историческая наука» и социальная история. – М., 2009. – С.17; Шевырин В.М. Переосмысление российской истории X – начала XX в. в зарубежной историографии // История России в современной зарубежной науке: сборник обзоров и рефератов. – М., 2010. – С.11; Кром М.М. Историческая антропология. – СПб.-М., 2010.

² Блок М. Апология истории. – М., 1973. – С.20.

³ Пистров-Эннер Б., Ульянова Г. Модернизация, гражданское общество и гражданская идентичность: о концепции книги // Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи. Вторая половина XIX-начало XX века. – М., 2007. – С.22.

повышенным интересом к материальным аспектам жизни, с переменами в традиционном религиозном мировоззрении, с рационализацией поведения людей. Исторические уроки данной эпохи востребованы и при современных реалиях, когда продолжается строительство гражданского общества и не определен баланс между светской культурой и религиозной.

Исходя из вышеизложенного, весьма актуальным представляется изучение формирования стиля жизни татарского буржуазного общества второй половины XIX – начала XX века.

Хронологические рамки диссертации охватывают период со второй половины XIX до начала XX века. Нижняя хронологическая граница исследования связана с буржуазными реформами в России, с 1860 годов начались преобразования многих сторон социально-экономической жизни. В это время в татарском мусульманском обществе возникло движение за обновление ислама – джадидизм, которое набрало силу уже на рубеже XIX–XX веков. Во всем мусульманском мире (у арабов, у турок) ко вто-

рой половине XIX века наблюдались попытки по модернизации общества. Татарский джадидизм был самобытным явлением, но в то же время его надо рассматривать как часть мирового реформаторского процесса. Верхняя граница – 1917 год, с этого времени в России началась ликвидация буржуазных основ общества и пропаганда советского образа жизни.

Территориальные рамки исследования включают в себя регион Поволжья и Приуралья, где в указанный период компактно проживала основная масса татарского населения. Данные территории входили в состав округа Оренбургского магометанского духовного собрания: Казанская, Оренбургская, Уфимская, Астраханская, Симбирская, Самарская, Пермская, Рязанская и другие губернии. Особое внимание уделяется городу Казань, где была сконцентрирована многочисленная татарская буржуазия, определявшая направления развития социокультурной жизни татар-мусульман всей Российской империи. Примыкали к ней такие заметные центры татарской культуры, как Оренбург, Астрахань, Уфа, Троицк, Касимов, Санкт-Петербург, Москва и другие города.

Объект исследования – татарское буржуазное общество второй половины XIX – начала XX века; **предмет** – процесс формирования стиля жизни татарского буржуазного общества, который включает в себя те сферы повседневности, где субъект проявлял свободное волеизъявление: это организация собственного быта, досуга, личной и семейной жизни.

Цель исследования состоит в комплексном изучении изменений повседневных практик татарского буржуазного общества, трансформации его обыденного сознания в эпоху социально-экономических и культурных преобразований, рельефным проявлением которых стало формирование стиля жизни.

Раскрытие темы научной работы предполагает анализ концептуальных подходов, изучение литературы и привлечение широкого круга источников. Для реализации цели исследования необходимо решить следующие задачи:

- изучить основные условия формирования стиля жизни: центры татарской городской культуры, социальную структуру татарского буржуазного общества, пути импорта европейской культуры;
- выявить изменения в жилом пространстве, внешнем виде, культуре питания, транспорте и определить основные материальные атрибуты татарского буржуазного стиля жизни;
- исследовать медиализацию татарского мусульманского общества: распространение медицинских знаний и услуг, рационализацию поведения пациента;

- рассмотреть факторы трансформации традиционных воззрений: фотографирование, финансовые инструменты регулирования повседневной жизни, городскую музыкальную культуру (звукозапись, культурно-массовые мероприятия);

- дать характеристику круга чтения татарского буржуазного общества и определить роль светской литературы в формировании буржуазного стиля жизни;

- осветить новые способы свободного времяпрепровождения татар-мусульман: коллекционирование, азартные игры, спорт;

- проанализировать изменения в морально-ценностных ориентирах, отразившихся в частной и общественной жизни: отношение к вере, рационализация поведения, положение женщин, проблемы семьи и воспитания;

- определить этапы формирования стиля жизни и обозначить особенности каждого периода.

Методология исследования основана как на общенаучных методах, так и на инструментариях научного поиска социально-гуманитарных дисциплин. Автор опирался на принципы диалектического метода познания: объективности, историзма, всесторонности.

Одним из главных подходов исследования стал системный. Выделено понятие татарское буржуазное общество, в рамках которого функционировали разные социальные группы, отличавшиеся по материальному положению, уровню образования, возрасту, месту жительства. Эта особая социальная саморазвивающаяся система выработала собственный стиль жизни, который включал материальные и духовные составляющие повседневности. При изучении различных аспектов жизни татарского буржуазного общества применялись такие общенаучные приемы как анализ, синтез, индукция, дедукция, аналогия.

Кроме того, при проведении исследования привлекались отдельные методы социально-гуманитарных наук: биографический, интенционального объяснения, качественного анализа документов. Использование биографического метода позволило глубже изучить индивидуальные процессы истории, скрытые причинно-следственные связи событий, мотивы поведения человека. Интенциональное объяснение ставит во главу угла иррациональные стремления (интенции) индивида, которые обусловлены самыми разными мотивами, в том числе особой временно-пространственной спецификой. Благодаря качественному анализу документов стало возможно использование широкого круга источников, в том числе делопроизводственных документов, рекламы, художественной литературы и т.д.

Из исторических методик при проведении исследования автор обращался к таким инструментариям как историко-сравнительный анализ, историко-типологический.

Источники. Для проведения исследования привлекались документы и материалы из Российского государственного исторического архива (РГИА), Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), Национального архива Республики Татарстан (НА РТ), Центрального исторического архива Республики Башкортостан (ЦИА РБ), Центра письменного и музыкального наследия Института языка, литературы и искусств им.Г.Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан (ЦПМН ИЯЛИ АН РТ), Государственного архива Астраханской области (ГАОО), Государственного архива Ульяновской области (ГАУО), Национального музея Республики Татарстан (НМ РТ), Музея национальной культуры Национального культурного центра «Казань» (МНК НКЦ «Казань»), Отдела рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.Лобачевского Казанского (Приволжского) федерального университета (ОРПРК НБЛ К(П)ФУ), Национальной библиотеки Франции (BNF). Всего использовано десять разновидностей источников: законодательные и нормативные акты, делопроизводственные документы, статистические материалы, источники личного происхождения, периодическая печать, справочные издания, художественная литература второй половины XIX – начала XX века, изобразительные, вещественные источники, аудиоматериалы. Характеристике источников исследования посвящен третий параграф первой главы.

Научная новизна диссертации состоит в том, что впервые представлено исследование посвященное формированию стиля жизни татарского буржуазного общества во второй половине XIX – начале XX века. Для понимания процессов данного периода используется не классово-сословное деление общества, а стратификационная модель, с учетом материального достатка, уровня образования, профессии и возраста исторических субъектов. Выделены три этапа формирования стиля жизни, каждый из которых имел свои особенности.

В работе основное внимание уделяется тому, как в результате буржуазных и джадидских преобразований конца XIX – начала XX века происходила адаптация городских татар-мусульман к изменившимся условиям жизни и их интеграция в структуру российского общества. В этой связи впервые обобщены и изучены с точки зрения модернизационных процессов различные аспекты повседневности: перемены в домашнем быту, во внешнем облике, манерах поведения, сфере услуг, организации свободного времяпрепровождения, взаимоотношения в семье, вопросы гендерных

ролей, духовные поиски, воспитание детей. Обращение к повседневным практикам данного периода обосновано необходимостью анализа трансформации традиционного татарско-мусульманского мировоззрения в эпоху буржуазных преобразований.

Особенность татарской повседневности исследуемого периода определялась спецификой мировоззрения, основанного на синтезе мусульманских ценностей и европейских заимствований. Оно сочетало в себе как индивидуализм, так и новые формы коллективного сознания. Стремление к объединению и коллективным действиям базировалось не только на конфессионально-общинных интересах, но и на идее национального прогресса и культуры.

Автором обозначен ряд новых проблем в изучении социальной истории татарского народа второй половины XIX – начала XX века, которые имеют самостоятельное значение. Во-первых, это изучение проблем здоровья с новой точки зрения, как многогранный процесс борьбы человека со своими внутренними ощущениями (стереотипами, страхами) и внешними факторами, связанными с развитием научной медицины. Во-вторых, отдельно выделяются вопросы детства. В указанный период в татарском обществе появилось новое понимание ребенка как личности, которое пропагандировалось на страницах печати и нашло отражение в частной жизни. Поэтому изучение проблем детства представляется актуальной научной задачей.

Работа основана на широкой источниковой базе. Кроме традиционных для истории повседневности источников личного происхождения, активно используются документы судебных органов (следственные дела, описи имущества и т.д.), которые отличаются высокой степенью достоверности и ценными фактическими сведениями. Помимо этого, автор обращался к периодической печати, художественной литературе начала XX века, привлекал в качестве источников музейные экспонаты, аудиовизуальные материалы: фотографии, рекламу, иллюстрации в журналах и книгах, визитки, граммофонные записи. Значительная часть источников вводится в научный оборот впервые.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что впервые история татарского общества второй половины XIX – начала XX века изучается с точки зрения индивидуальных запросов человека, исходя из его потребительских интересов, повседневного поведения. Для этого предложена особая структура данных запросов, которая объединена в понятие стиль жизни, в нее включены как экономические основы общественного развития, так и наиболее актуальные социальные взаимосвязи, элементы духовного свойства. Без этих составляющих невозможно пред-

ставить сущность человека, нацеленного на самореализацию в эпоху буржуазных преобразований. Предложена авторская концепция социальной структуры татарского буржуазного общества и его определение.

Практическая значимость исследования состоит в том, что новые данные по истории татарского народа и в целом городской жизни второй половины XIX-начала XX века служат дополнением к учебным программам по истории Татарстана и России данного периода. Конкретные сведения по повседневной жизни городских татар могут стать основой при оформлении концепции музеев по истории быта конца XIX – начала XX века. Источниковедческие находки по грамофонным записям могут быть применены музыковедами для дальнейшего изучения истории татарской музыки.

Изучение повседневных практик татар-мусульман в области финансовых операций, в определении гендерных ролей, социально-экономических инноваций в целом представляется важным для понимания сути и специфики традиционного российского ислама.

Положения, выносимые на защиту:

1. Буржуазные основы общества, пришедшие на смену традиционным сословным доминантам, диктовали ценность материального достатка, образования, культурной развитости человека. Все эти моменты были тесно связаны с достижениями европейской науки и техники, поэтому наиболее образованные и состоятельные слои татарского общества перенимали западный культурный опыт. Их стремление к единому материально-духовному знаменателю, к стилю жизни, позволяет нам объединить их под понятием татарское буржуазное общество.

2. Большую роль в модернизации традиционной культуры сыграло развитие сферы услуг. Изменения в области быта были тесно связаны с мировоззрением человека, с его стремлением идентифицировать себя с той или иной социальной группой. Выбор определенной модели организации домашнего пространства или внешнего облика свидетельствовало о социально-культурном статусе индивида.

3. На рубеже XIX–XX веков охрана здоровья и лечение болезней были вынесены за рамки традиционных воззрений городских татар-мусульман. Распространение научной медицины среди населения стало возможно благодаря социальной политике государства, пропаганде научно-популярных знаний. Все это влияло на рационализацию поведения людей, где большее внимание стало уделяться предупреждению болезней, в том числе физическому укреплению организма.

4. Одним из главных каналов формирования стиля жизни татарского буржуазного общества стала светская книга. Широкая книгоиздательская

сеть и периодическая печать на татарском языке, а также литература на других языках способствовала расширению культурного кругозора татар, преобразованиям в частной и общественной жизни.

5. Развитие татарской музыкальной культуры: распространение граммофонных записей, мусульманских концертов, танцевальных вечеров, спектаклей является свидетельством пересмотра традиций. Музыка до этого времени считалась грехом. Культурно-массовые мероприятия привлекали не только просветительскими функциями, но и как пространство для свободного общения с противоположным полом.

6. Важным фактором трансформации мусульманского мировосприятия стало развитие фотографических услуг. Татары-мусульмане, до этого избегавшие изображения живых существ, под влиянием европейской культуры и рыночных условий, а также из-за официальных требований со стороны государственных органов, начали использовать в своей повседневности фотографии. Это стало одной из предпосылок возникновения татарского изобразительного искусства.

7. Традиционные религиозные воззрения мусульман в этот период модифицировались под влиянием буржуазных запросов общества. В результате появились новые морально-нравственные координаты, которые сочетали в себе адекватное восприятие экономических новшеств и веру в Бога. В тоже время под влиянием актуализации материальных ценностей, усилились и социальные отклонения в обществе: алкоголизм, проституция, суициды. Получившие распространение, в качестве хобби, азартные игры, также противоречили религиозным нормам.

8. Со второй половины XIX века в татарском буржуазном обществе наблюдались определенные изменения в семейных взаимоотношениях. Среди актуальных социальных проблем этого периода наиболее заметными стали разводы, которые были обусловлены как феминизацией татарок, так и с распространением асоциальных явлений. Кроме того, в это время усилилась критика многоженства и в начале XX века наметилась тенденция по заключению смешанных браков.

9. На рубеже XIX–XX веков в татарском обществе появились новые подходы в воспитании детей. Рационализация поведения и развитие индивидуализма способствовали тому, что ребенок рассматривался как личность, который имеет право на свой особый детский мир, отличный от представлений взрослых.

10. Стиль жизни татарского буржуазного общества сформировался накануне Первой мировой войны. Его основными признаками были внешний вид человека, уровень образования, организация домашнего пространства, семейное положение, формы досуга. Человек, оказавшийся в

городской среде, старался соответствовать тем или иным признакам данного стиля, что помогало ему быстрее адаптироваться в новых условиях и интегрироваться в российское общество.

Апробация результатов исследования. Отдельные положения диссертации были апробированы на международной научно-практической конференции «Творчество Баки Урманче и актуальные проблемы национального искусства» (Казань), IV международной научно-практической конференции «Человек в российской повседневности: история и современность» (Пенза), VII международной научно-практической конференции «Традиционные общества: неизвестное прошлое» (Челябинск), международной научно-практической конференции, посвященной 125-летию Г.Ибрагимова (Казань), V международных Стахеевских чтениях (Елабуга), международной научно-практической конференции «Тюркоязычная книга: наследование веков» (Казань), международной научно-практической конференции «Эволюция гуманистической мысли в творчестве Р.Фахреддина» (Альметьевск), всероссийской научной конференции «Этнические меньшинства в Европе и России: проблемы культуры и повседневности» (Карачаевск), V всероссийской научно-практической конференции «Этносы и культуры Урало-Поволжья: история и современность» (Уфа), всероссийских Лихачевских чтениях–2012 (Казань), IV всероссийской конференции историков-аграрников Среднего Поволжья «Хозяйствующие субъекты аграрного сектора России: история, экономика, право» (Казань) и других международных, всероссийских и межрегиональных конференциях.

Отдельные направления исследования, связанные с частной жизнью татарской буржуазии, были поддержаны Международной ассоциацией гуманитариев (МАГ) в рамках программы индивидуальных грантов.

Некоторые положения диссертации, связанные с распространением медицинских знаний среди татарского населения, были апробированы в качестве научной концепции для музея «Дом лекаря» в Болгарском государственном историко-архитектурном музее-заповеднике (Республика Татарстан, РФ).

Основные итоги диссертации нашли отражение в двух монографиях, одной коллективной монографии, одном учебном пособии, 42 научных статьях и тезисах докладов конференций, общий объем которых составляет 51,5 п.л.

Структура диссертации определяется целью и задачами исследования. Работа состоит из введения, шести глав (21 параграфа), заключения, списка источников и литературы, четырех приложений, списка сокращений.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обоснована актуальность темы, дана краткая историография проблемы, определены объект, предмет, территориальные и хронологические рамки, цель и задачи, методология диссертационной работы, дана краткая информация об источниках исследования, раскрыты новизна, теоретическая и практическая значимость работы, обозначены положения, выносимые на защиту, приведены сведения об апробации полученных результатов.

В первой главе *«Концептуальная основа, историография и источники исследования»* проанализированы научные подходы к изучению стиля жизни, определена концептуальная основа исследования, рассмотрена история изучения вопроса и дана характеристика источников диссертационной работы.

В первом параграфе *«Концептуальные подходы к изучению стиля жизни»* основное внимание уделяется категории «стиль жизни».

Основоположником концепции «стиль жизни» считается М.Вебер, который рассматривал его во взаимосвязи со «статусными группами». Они были взяты в качестве альтернативы классово-сословной дифференциации социума. Статусные группы образуются, по мнению ученого, за счет единого стиля жизни⁵. Кроме М.Вебера к понятию «стиль жизни» прибегали Т.Веблен, У.Уорнер, Г.Зиммель, З.Бауман, П.Бурдьё и другие зарубежные авторы⁶.

В дальнейшем к этому концепту обращались специалисты из разных гуманитарных областей: философы, психологи, социологи, искусствоведы⁷. Применяется он и в исторических работах⁸.

«Стиль жизни» является производным понятия «образ жизни». Если последняя категория отражает базовые элементы бытия (например, кочевой или оседлый образ жизни, сельский или городской), то стиль жизни выражает отношение людей к собственному образу жизни, их желание

---

⁵ Вебер М. Основные понятия стратификации // Политология: хрестоматия. – М., 2000. – С.255–272.

⁶ Веблен Т. Теория праздного класса. – М., 1984. – С.112–113; Зиммель Г. Избранное. – Т.2. Созерцание жизни. – М., 1996. – С.271; Бауман З. Мыслить социологически. – М., 1996. – С.217–219; Бурдьё П. Практический смысл. – СПб., 2001. – С.106–126.

⁷ Стиль жизни личности. Теоретические и методологические проблемы. – Киев, 1982; Максимова О.А. Стиль жизни российского студенчества периода трансформации общества (на материале Республики Татарстан). Автореф. ... к.с.н. – Казань, 1999; Куликова А.С. Стиль жизни: мода и эстетика повседневности. Автореф. ... к. философ.н. – М., 2010.

⁸ Горяинов С.Г. Российские либералы в конце XIX – начале XX вв.: традиции и стиль жизни. Автореф. дисс. ... к.и.н. – М., 1998; Дингес М. Историческая антропология и социальная история: через теорию «стиля жизни» к «культурной истории повседневности» // Одиссей. Человек в истории. – М., 2000. – С.96–124.

подчеркнуть его отдельные моменты, в особенности свою принадлежность к определенной социальной группе, субкультуре. Будучи социально-психологической категорией, данное понятие лучше всего подходит для изучения поведения индивида в том или ином обществе, для раскрытия отдельных аспектов его повседневности.

В параграфе приводится обзор классических трудов по истории повседневности Ф.Броделя, А.Людтке, Н.Пушкаревой⁹. Повседневность – обширное понятие, охватывающее все стороны жизни человека, иными словами, эта субъективная реальность индивида и его ближайшей среды. Поэтому отражение всего многообразия объективной человеческой жизнедеятельности не всегда попадает в фокус исследования в полной мере. Немецкий историк М.Дингенс предложил изучение истории повседневности через теорию «стиля жизни». По его мнению, данная концепция дает более ясный стержень для исследования обыденных практик общества¹⁰.

В исследовании стиля жизни личности или же группы определяющим фактором является свободное волеизъявление человека. Его социально-психологические особенности наиболее выпукло проявляются в таких моментах как самопрезентация (внешний вид, организация домашнего пространства, выбор различных товаров и услуг), форма свободного времяпрепровождения, круг близкого общения и т.д. В этот ряд мы не включили трудовые практики, поскольку выбор человеком своей профессии и его поведение в трудовом коллективе не всегда является выражением свободного волеизъявления. Кроме того, трудовая повседневность является продолжением определенных корпоративных требований, где маскируются признаки принадлежности к субкультуре.

Во втором параграфе *«Историография проблемы»* рассматривается степень изученности проблемы. Стиль жизни является достаточно многогранной категорией и его социально-психологические проявления отражаются на самых разных сферах человеческой жизнедеятельности. Поэтому историография проблемы представляет собой разноплановые исторические работы, авторы которых не применяли употребляемое нами научное понятие, но, охватили в разной степени некоторые его проявления. По сложившейся научной традиции, историографию можно условно разделить на три периода: дореволюционный, советский и постсоветский (современный).

---

⁹ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. – Т.1. – Структуры повседневности: возможное и невозможное. – М., 1986; Людтке А. История повседневности в Германии: Новые подходы к изучению труда, войны и власти. – М., 2010; Пушкарева Н.Л. История повседневности: предмет и методы // Социальная история. Ежегодник, 2007. – М., 2008. – С.9–37.

¹⁰ Дингенс М. Указ. соч. – М., 2000. – С.107.

Дореволюционные работы (с 1850-х гг. по 1917 г.). Быт и обычаи – все, с чем человек чаще всего соприкасается в обыденной жизни – традиционно являлись областью исследований этнографов. Основой большинства работ о татарах является знаменитый труд К.Фукса¹¹. Тема инородцев неоднократно становилась объектом научных изысканий, как ученых-миссионеров, так и обычных публицистов, которые в своих путевых заметках фиксировали и различные сведения о татарах-мусульманах¹².

На фоне идей исламского и национального возрождения, развития книгоиздательского дела и повременной печати, появился социальный заказ на написание истории татар самими мусульманами. Эти работы отличаются более глубокими знаниями объекта исследования. Например, этнографические сведения содержатся в трудах Ш.Марджани, К.Насыри¹³. Для раскрытия отдельных сфер повседневности имеют значение и другие публикации К.Насыри, которые носили просветительский характер¹⁴.

Кроме того, в татарской литературе дореволюционного периода были популярны биографии различных деятелей. Выходили как заказные работы, так и автобиографии. В них отражены детали окружающего героя мира, его отношение к разным явлениям и т.д.¹⁵

---

¹¹ Фукс К. Казанские татары в статистическом и этнографическом отношениях. – Казань, 1991.

¹² Небольсин П. Очерки волжского низовья. – СПб., 1852; Турнерелли Э. Казань – древняя столица ханов / Э.Турнерелли. Казань и ее жители; Е.Вишленкова, С.Малышева, А.Сальникова. Казанское житие (XIX–XX вв.). – Казань, 2005; Писемский А. Татары // Библиотека для чтения. – Том 152. – Ноябрь, 1858; Сомов М. Описание Уфы // Оренбургские губернские ведомости. – 1864. – 17 октября; Риттих А.Ф. Материалы для этнографии России. Казанская губерния. – Казань, 1870; Немирович-Данченко В.И. По Волге. Очерки и впечатления летней поездки. – СПб., 1877; Монастырский С. Иллюстрированный спутник по Волге. – Казань, 1884; Терпигоров С.Н. Лакейская столица // Исторический вестник. Том 32. – СПб., 1888. – С.75–103; Рыбаков С. Ислам и просвещение инородцев в Уфимской губернии. – СПб., 1900; Сухарев А.А. Казанские татары (уезд Казанский). Опыт этнографического и медико-антропологического исследования. – СПб., 1904; Алекторов А.Е. Инородцы в России. Современные вопросы: Финляндцы. Поляки. Латыши. Евреи. Немцы. Армяне. Татары. – СПб., 1906; Современное состояние татар-мухаммедан и их отношение к другим иноверцам. Доклад профессора Казанской духовной академии М.Машанова Миссионерскому съезду 1910 года. – Казань, 2002; Знаменский П. Казанские татары. – Казань, 1910; Коблов Я.Д. О магометанских муллах. – Казань, 1998; Он же. Конфессиональные школы казанских татар // Медресе г. Казани XIX – нач. XX вв.: Сборник документов и материалов. – Казань, 2007; Катанов Н. Поволжские татары в их произведениях и в жизни. Обзор литературной деятельности татар за XIX век // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2001. – №1. – С.165–181; Алисов Г. «Мусульманский вопрос в России» / Публ. Д.М.Усмановой // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 1999. – № 1/2. – С.249–262; №3/4. – С.238–248.

¹³ Маржани Ш. Мөстәфәдел-әхбар фи әхвали Казань вә Булгар (Казан вә Болгар хәлләре турында файдаланылган хәбәрләр). – Казан, 1989; Насыри К. Сайланма әсәрләр: 4 томда. – Т.3. – Казан, 2005.

¹⁴ Насыри К. Сайланма әсәрләр: 2 томда. – Т.2. – Казан, 1975.

¹⁵ Маржани. – Казан, 2001; Акчүра Й. Дамелла Галимжан Әл-Баруди. – Казан, 1997; Исмагыйль бәкнең мохтәсәр тәржемән хәле // Исмаил Гаспринский. Историко-документальный сборник. – Казань, 2006. – Б.128–140; Фәхредин Р. Асар. – Т.3–4. – Казан, 2010.

В историографии советского периода (1918–1991 гг.) основное внимание уделялось изучению социально-экономической, общественной и культурной жизни татарского народа. Работы ранних советских авторов интересны тем, что их писали современники событий¹⁶.

В 1953 году вышла фундаментальная работа Н.И.Воробьева о материальной культуре казанских татар¹⁷. Кроме того, в это время опубликованы различные исторические работы о культурном развитии татарского народа¹⁸. Отдельно следует отметить весьма смелую для советского времени монографию Х.Х.Хасанова «Формирование татарской буржуазной нации»¹⁹. Прежде всего, она отличалась новизной постановки проблемы.

В данный период исследования по истории российских мусульман, в том числе волго-уральских татар проводились и за рубежом. Объектом научных работ становились персоналии²⁰, вопросы взаимоотношения татарского общества и власти, мусульманских реформ, пантюркизма и т.д.²¹

Таким образом, в 1918–1991 гг. были изучены отдельные аспекты социально-экономической и культурной жизни татар в дореволюционное время. Важным итогом данного этапа стала систематизация доступных сведений, фиксация устной истории. Определенные трудности были связаны с идеологической политикой, когда ряд фактов и имен находились под запретом.

В постсоветское время (с начала 1990-х годов по наст. вр.) со сменой научной парадигмы с других ракурсов началась рассматриваться социально-экономическая, политическая история Российской империи. В центре внимания были сословно-профессиональные группы, органы государственной и муниципальной власти, общественно-политическое и социо-

---

¹⁶ Ибраһимов Г. Әсәрләр : Сигез томда. – Т. 7. Тарихи хезмәтләр (1911–1927). – Казан, 1984; Валиди Дж. Очерк истории образованности и литературы татар. – Казань, 1998; Татар театры (1906–1926). – 2 нче басма. – Казан, 2003; Губайдуллин К., Губайдуллина М. Пища казанских татар (этнографический очерк) // Вестник научного общества татароведения. – 1927. – №6. – С.17–49; Бурнашева З. Татар хатын-кызлары хәрәкәте тарихыннан. – Казан, 1971; Рәми И.Г., Даутов Р.Н. Әдәби сүзлек (элеке чор татар әдәбияты һәм мәдәнияте буенча кыскача белешмәләр). – Казан, 2001.

¹⁷ Воробьев Н.И. Казанские татары (Этнографическое исследование материальной культуры дооктябрьского периода). – Казань, 1953.

¹⁸ Гайнуллин М.Х. Татарская литература и публицистика начала XX века. – Казань, 1983; Каримуллин А.Г. Татарская книга начала XX века. – Казань, 1974; Мәһдиев М. Әдәбият һәм чынбарлык: XX йөз башы татар әдәбияты тарихына яна материаллар. – Казан, 1987; Октябрьгә кадәрге татар театры: Очерклар. – Казан, 1988.

¹⁹ Хасанов Х. Формирование татарской буржуазной нации. – Казань, 1977.

²⁰ Georgeon F. Aux origines du nationalisme Turc: Yusuf Akcura (1876–1935). – Paris, 1980; Temir A. Yusuf Akcura. – Ankara, 1987; Devlet N. Ismail Bey (Gaspıralı). – Ankara, 1988.

²¹ Zenkowsky S.A. Pan-Turkism and Islam in Russia. – Cambridge, 1960; Bennigsen A., Lemerrier-Quelquejey Ch. Les mouvements nationaux chez les Musulmans de Russie: le «Sultangalievisme» au Tatarstan. – Paris, 1960; Lazzarini E.J. Ethnicity and the Uses of History: The Case of Volga Tatars // Central Asian Survey. – 1982. № 2–3. – P. 61–69; Rorlich A.A. The Volga Tatars. A Profile in National Resilience. – Stanford, 1986; Kurat A.M. Türkiye ve Rusya. – Ankara, 1990.

культурное развитие²². На рубеже XX–XXI гг. обозначился интерес к истории повседневности.

Популярным направлением исследований в этот период стало изучение истории исламской культуры в Российской империи, мусульманских общин разных регионов страны²³. Продолжают свои научные изыскания в этом направлении зарубежные исламоведы и тюркологи²⁴.

Татарстанскими историками в начале 1990-х годов была проведена работа по изучению исторических памятников татарского народа (мечетей, жилых домов, общественных учреждений и т.д.)²⁵. Полученные данные серьезно изменили ранее сложившуюся историческую картину и выдвинули на первый план татарских предпринимателей, как основную силу реформаторских изменений в обществе, определивших социально-экономические и политические тенденции²⁶.

Другим важным направлением стало изучение насыщенной общественно-политической жизни татар начала XX столетия²⁷. Своей концепту-

---

²² Реформы или революция? Россия 1861–1917. Материалы международного colloquium историков. – СПб., 1992; Предпринимательство и городская культура в России, 1861–1914. – М., 2002; Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи. Вторая половина XIX – начало XX века. – М., 2007; Купеческая Москва. Образы ушедшей российской буржуазии. – М., 2007.

²³ Ислам на территории бывшей Российской империи. Энцикл. словарь. Вып.2. – М., 1999; Набиев Р.А. Ислам и государство: Культурно-историческая эволюция мусульманской религии на Европейском Востоке. – Казань, 2002; Арапов Д.Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII – начало XX вв.). Дисс. ... д.и.н. – М., 2005; Ширгазин А.Р., Калимуллина Д.Б. Уфа. Памятники исламской культуры. – Уфа, 2008; Викторин В.М. Ислам в Астраханском регионе. – М., 2008; Корноухова Г.Г. Конфессионально-этические основы мусульманского предпринимательства в Российской империи конца XIX – начала XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия История России. – 2012. – №2. – С.62–76.

²⁴ Hablemitoglu N. Carlik Rusyasi'nda Turk Kongreslari. – Ankara, 1997; Kanlidere A. Reform within Islam: The Taidid and Jadid Movement among the Kazan Tatars (1809–1917). Conciliation or Conflict? – Istanbul, 1997; Кампелер А. Россия – многонациональная империя. – М., 2000; Фридрих М. Габдулла Тукай как объект идеологической борьбы. – Казань, 2011; Джераси Р. Окно на Восток: Империя, ориентализм, нация и религия в России. – М., 2013.

²⁵ Салихов Р.Р., Хайрутдинов Р.Р. Республика Татарстан: Памятники истории и культуры татарского народа (конец XVIII – начало XX веков). – Казань, 1994; Они же. Исторические мечети Казани. – Казань, 2005.

²⁶ Свердлова Л.М. На перекрестке торговых путей. – Казань, 1991; Её же. Казанское купечество: социально-экономический портрет (кон. XVIII – нач. XX в.). – Казань, 2011; Салихов Р.Р. Татарская буржуазия Казани и национальные реформы второй половины XIX – начала XX в. – Казань, 2001; Её же. Участие татарского предпринимательства России в общественно-политических процессах второй половины XIX – начала XX в. – Казань, 2004; Таиров Н.И. Акчуринны. – Казань, 2002; Её же. Татарские предприниматели Поволжья и Приуралья в социокультурной жизни России (вторая половина XIX – начало XX века). Автореф. дисс. ... д.и.н. – Казань, 2011.

²⁷ Хабутдинов А.Ю. Татарское общественно-политическое движение в досоветский период: 1900–1918 гг. – Казань, 1997; Фахрутдинов Р.Р. Татарский либерализм в конце XIX – в начале XX века (очерки политической истории). – Казань, 1998; Ямаева Л. Мусульманский либерализм как общественно-политическое движение (по материалам Уфимской и Оренбургской губерний). –

альностью выделяются труды И.Р.Тагирова, Д.М.Исхакова, А.Ю.Хабутдинова, которые во многом продолжают традиции Х.Х.Хасанова, в фокусе их исследований – формирование татарской нации²⁸. Татарская нация и ее культурное развитие в начале XX века была центральной темой разносторонних исследований Р.У.Амирханова²⁹.

Сквозной линией через все научные работы 1990–2000-х годов о реформаторстве и об общественно-политическом развитии проходила идея джадидизма: о реформировании, как системы образования, так и в целом жизни мусульман³⁰. Все авторы рассматривают джадидизм как уникальное явление в истории татарского народа, оказавшее существенное влияние на жизнь мусульман. Однако нет единого, общепринятого определения данного феномена.

Интерес к теме реформаторства, национального возрождения вдохновил к дальнейшим научным поискам в самых разных направлениях, в том числе в этнографии, в искусствоведении, в архитектуре, где с одной стороны подчеркивалась самобытность культуры татарского народа, с другой прослеживалась взаимосвязь с соседними народами³¹.

В постсоветское время учеными был открыт целый ряд ранее неизвестных имен, научно реабилитированы отдельные социальные группы, в

Уфа, 2002; Мухаметшин Р. Татары и ислам в XX веке (Ислам в общественной и политической жизни татар и Татарстана). – Казань, 2003; Усманова Д.М. Мусульманские представители в российском парламенте. 1906–1916. – Казань, 2005; Фаизов С. Движение мусульманок России за права женщин в 1917 г.: страницы истории. – Н.Новгород, 2005.

²⁸ Тагиров И.Р. История национальной государственности татарского народа и Татарстана. – Казань, 2000; Исхаков Д.М. Проблема становления и трансформации татарской нации. – Казань, 1997; Его же. Татары: Краткая этническая история. – Казань, 2002; Хабутдинов А.Ю. Формирование нации и основные направления развития татарского общества в конце XVIII – начале XX веков. – Казань, 2001.

²⁹ Амирханов Р.У. Татарская дореволюционная пресса в контексте «Восток-Запад» (на примере развития русской культуры). – Казань, 2002; Его же. Татарский народ и Татарстан в начале XX века: Исторические зарисовки. – Казань, 2005.

³⁰ Исхаков Д.М. Феномен татарского джадидизма: введение к социокультурному осмыслению. – Казань, 1997; Абдуллин Я.Г. Джадидизм среди татар: возникновение, развитие и историческое место. – Казань, 1998; Мухаметшин Р.М. Джадидизм в среднем Поволжье: распространение и формы проявления // *Proceeding of the International Symposium on Islamic Civilisation in the Volga-Ural Region*. – Istanbul, 2004. – С.275–279; Ибрагим Т.К., Султанов Ф.М., Юзеев А.Н. Татарская религиозно-философская мысль в общемусульманском контексте. – Казань, 2002; Салихов Р.Р. Джадидизм и проблемы хронологии истории татар нового и новейшего времени // Национальная история татар: теоретико-методологическое введение. – Казань, 2009. – С.117–137; Хакимов Р.С. Джадидизм (реформированный ислам). – Казань, 2010.

³¹ Шарифуллина Ф. Касимовские татары. – Казань, 1991; Халитов Н.Х. Архитектура мечетей Казани. – Казань, 1991; Суслowa С. В., Мухаммедова Р.Г. Народный костюм татар Поволжья и Урала (середина XIX – начало XX вв.). – Казань, 2000; Уразманова Р.К. Обряды и праздники татар Поволжья и Урала (годовой цикл XIX – начало XX вв.). – Казань, 2001; Шарафутдинов Д.Р. Исторические корни и развитие традиционной культуры татарского народа XIX – начало XXI века. – Казань, 2004; Валеева-Сулейманова Г.Ф. Мусульманское искусство в Волго-Уральском регионе. – Казань, 2008; Сулейманова Д.Н. Интерьер татарского дома: истоки и развитие. – Казань, 2010.

том числе мусульманское духовенство. В этом научном направлении сделано достаточно много не только в Татарстане, но и в Башкортостане и других регионах РФ³².

На рубеже нового тысячелетия краеведческие труды об отдельных островках татарской культуры³³ дополнились монографиями о локальных мусульманских общинах различных городов и губерний Российской империи, выполненными уже профессиональными историками³⁴. За это время был изучен и ряд известных династий, в том числе и Симбирской, Уфимской губерний³⁵.

Исследования, базирующиеся на изучении отдельных институтов власти и общества, являются важным направлением региональной историографии³⁶. Но намечается поворот и к междисциплинарным научным работам, в центре которых, прежде всего, индивид. Историко-антропологические исследования, в которых человек выступает как субъект истории, имеют давние традиции, особенно в зарубежной историографии. Основными проводникам человекоориентированной истории в России в постсоветский период стали журналы «Одиссей. Человек в истории», «Казус. Индивидуальное и уникальное в истории», «Социальная история».

---

³² Азаматов Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII – XIX вв. – Уфа, 1999; Юнусова А.Б. Ислам в Башкортостане. – Уфа, 1999; Набиев Р.А. Ислам и государство: Культурно-историческая эволюция мусульманской религии на Европейском Востоке. – Казань, 2002; Мухаметилин Р. Татары и ислам в XX веке (Ислам в общественной и политической жизни татар и Татарстана). – Казань, 2003; Загидуллин И.К. Мусульманское богослужение в учреждениях Российской империи (Европ. часть России и Сибирь). – Казань, 2006; Хабутдинов А.Ю. История Оренбургского магометанского духовного собрания (1788–1917): институты, идеи, люди. – Нижний Новгород, 2010.

³³ Аминов Д.А. Татары в Санкт-Петербурге. Исторический очерк. – СПб., 1994; Оренбургские купцы / Сост. М.Рахимкулова. – Оренбург, 1996; Абубакирова М., Шамсутдинов И., Хасанжанова Р. «Историю оставить народу своему». – Троицк, 2002; Теляпов Р. Татарская община в Санкт-Петербурге. – СПб., 2003.

³⁴ Косач Г. Город на стыке двух континентов. Оренбургское татарское меньшинство и государство. – М., 1998; Сенюткин С.Б. История татар Нижегородского Поволжья с последней трети XVI до начала XX вв.: историческая судьба минарет Нижегородского края. – Н.Новгород, 2001; Хайретдинов Д. Мусульманская община Москвы во второй половине XIX – начале XX века // Вестник Евразии. – 2001. – №1. – С.47–70; Загидуллин И.К. Мусульманская община в Санкт-Петербурге. XVIII – начало XX вв. – Казань, 2003; Кобзев А.В. Исламская община Симбирской губернии во второй половине XIX – нач. XX в. – Нижний Новгород, 2007; Гибадуллина Э.М. Мусульманские приходы в Самарской губернии во II половине XIX – начале XX в. Дисс. ... к.и.н. – Казань, 2007; Денисов Д.Н. Очерки по истории мусульманских общин Челябинского края (XVIII – начало XX в.) – М., 2011; Его же. Очерки по истории мусульманских общин Оренбургского края (XVIII – начало XX в.) – М.-Н.Новгород, 2012.

³⁵ Золотые страницы купечества, промышленников и предпринимателей Татарстана. – Казань, 2001; Тайров Н.И. Акчурины. – Казань, 2002; Азаматова Г.Б. Интеграция национального дворянства в российское общество: на примере рода Тевкелевых. – Уфа, 2008.

³⁶ История татар с древнейших времен: в семи томах. Т.VI. – Казань, 2013; Т.VII. – Казань, 2013.

История татар в эпоху буржуазных преобразований второй половины XIX – начала XX века лишь недавно начала рассматриваться с этого научного ракурса, поэтому данное исследовательское направление представляется одним из актуальных.

Третий параграф – «*Характеристика источников*». Привлеченные для исследования документы и материалы, по их происхождению, распределены на следующие группы:

1) Законодательные акты представлены в многотомных Полных собраниях законов Российской империи (ПСЗРИ) и Своде законов Российской империи (СЗРИ)³⁷, а также в современных сборниках³⁸.

2) Делопроизводственные источники – документы из фондов губернаторов, губернских канцелярий, судебных органов, учебных заведений и т.д. Фонды различных государственных учреждений имеются во всех областных и республиканских архивах. Делопроизводственные материалы, особенно общественных организаций или же органов самоуправления, активно публиковались еще до 1917 года³⁹, продолжается эта традиция и на современном этапе⁴⁰. Ряд архивных документов самой разной направленности, среди которых имелись и официальные материалы, опубликованы в журнале «Гасырлар авазы = Эхо веков», сборниках документов, выпущенных Главным архивным управлением Республики Татарстан⁴¹, фондом «Жиен» – в серии «Шәхесләр»⁴².

В Центральном историческом архиве Республики Башкортостан (ЦИА РБ) сконцентрирован фонд Оренбургского магометанского духовного собрания (И-295). Документы из этого фонда отражают такие важные стороны жизни мусульманского населения, как соблюдение ими религиозных требований, бракоразводные дела и т.д. Здесь же зафиксированы

³⁷ ПСЗ. – 2-е собр. – Т.25–55; ПСЗ – 3-е собр. – Т.1–33; СЗРИ. – 1904. – Т.1–16.

³⁸ Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / Сост. и авт. вводной статьи, комментариев и приложений Д.Ю.Аралов. – М., 2001.

³⁹ Сборник циркуляров и иных руководящих распоряжений по округу Оренбургского магометанского духовного собрания. 1836–1903 гг. – Уфа, 1905; Обзор деятельности Государственной Думы Третьего созыва. 1907–1912 гг. – Ч.2. – СПб., 1912; Устав Оренбургского мусульманского общества потребителей. – Оренбург, 1913. и т.д.

⁴⁰ Мусульманские депутаты Государственной думы России. 1906–1917 гг. Сборник документов и материалов / Сост. Л.А.Ямаева. – Уфа, 1998; История Казани в документах и материалах. XX век / под ред. Р.У.Амирханова. – Казань, 2004; История Казани в документах и материалах. XIX век / под ред. И.К.Загидуллина. – Кн.1. – Казань, 2005; Кн.2, Кн. 3. – Казань, 2011; Особое совещание по мусульманским делам 1914 года: Журналы / сост. И.К.Загидуллин. – Казань, 2011 и др.

⁴¹ Казанская татарская учительская школа 1876–1917 гг.: Сб. док. и матер. – Казань, 2005; Медресе г. Казани XIX – нач. XX вв.: Сб. док. и матер. – Казань, 2007; Документы по истории Волго-Уральского региона XVI–XIX веков из древлехранилищ Турции: сб. док. – Казань, 2008. и т.д.

⁴² Архивные документы // Гаяз Исхакий: тарихи-докум. җыентык. – Казан, 2011. – Б.569–707; Архивные материалы // Газиз Губайдуллин: Научно-биогр. сб. – Казань, 2002. и др.

прошения от представителей различных мусульманских общин с Европейской части России и Сибири о необходимости строительства новых мечетей, об открытии медресе и порядке работы этих учебных заведений, жалобы на поведение некоторых имамов и другие документы, так или иначе связанные с повседневностью татар-мусульман.

Делопроизводственные документы аналогичного характера содержатся в Российском государственном историческом архиве (РГИА) в фонде Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД (Ф.821).

В фондах Национального архива Республики Татарстан (НА РТ) особое внимание было уделено материалам Казанского окружного суда (Ф.41), отражающим семейно-бытовые моменты из жизни татарского общества. Документы гражданских судебных органов отличаются большой информативностью. В этой же связи были изучены материалы фондов частных поверенных (Ф.922, Ф.923 НАРТ), Симбирского окружного суда (Ф.1, ГАУО), Уфимского окружного суда (И-334, ЦИА РБ).

Среди материалов Казанского татарского сиротского суда (НА РТ, Ф.139) были обнаружены документы, которые ранее не вводились в научный оборот. В них имеются описи имущества татарских купцов. Аналогичные сведения по повседневной жизни некоторых социальных групп можно увидеть и в описях имущества, отложившимся в фондах различных страховых компаний (Ф.165, Ф.786 в НА РТ).

Кроме вышеперечисленных архивных фондов, в НАРТ нами были изучены документы Канцелярии Казанского губернатора (Ф.2), Казанского учебного округа (Ф.92), Казанской судебной палаты (Ф.89), Казанской городской управы (Ф.98), а также деловая переписка других государственных и частных организаций.

Привлекались нами и фонды, где сконцентрированы цензورские материалы. В них анализируются различные издания на татарском языке, периодическая печать. Это материалы из личного фонда Н.Катанова (Ф.969), фонда Казанского временного комитета по делам печати (Ф.420). В фонде военно-цензурной комиссии при штабе Казанского военного округа (Ф.1154) содержится обзор писем солдат-мусульман из разных губерний: Казанской, Оренбургской, Уфимской, Самарской и т.д. Отдельные фрагменты цензорских наблюдений содержатся в фондах Казанского губернатора (Ф.1) и Казанского губернского жандармского управления (Ф.199). Материалы цензорских наблюдений и доносов были взяты и из фондов Астраханского губернского правления (Ф.13) и Астраханского губернского жандармского управления (Ф.286) Государственного архива Астраханской области (ГААО). Аналогичные полицейские наблюдения

содержатся и в материалах фонда Канцелярии симбирского губернатора (Ф.76) Государственного архива Ульяновской области (ГАУО).

Сведения о владельцах автомобилей из числа татар собирались по источникам периода Первой мировой войны. Документы об автомобильной мобилизации отложились в фондах Уфимского губернского правления (Ф.И-9) ЦИА РБ, в фонде Казанского военного округа (Ф.1720) Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА).

Отдельную группу составляют духовные завещания, которые сохранились в различных архивных фондах, а также были опубликованы⁴³. Несмотря на то, что при их составлении придерживались определенных канонов, в текстах много личностных моментов, пожеланий, которые в той или иной степени отражают мироощущения самого завещателя.

Из фондов Национального музея Республики Татарстан (НМ РТ) извлечены материалы, касающиеся истории медицины Казанской губернии. Эти документы помогли восстановить отдельные эпизоды истории медицины татарского общества⁴⁴.

3) Из *статистических материалов* привлекались результаты первой всеобщей переписи 1897 года, материалы однодневных городских переписей конца XIX века, и другие статистические сведения⁴⁵.

4) *Документы личного происхождения* – частная переписка, дневники, автобиографии и мемуары. Часть документов этой группы была опубликована еще до 1917 года⁴⁶. Письма известных писателей издавались в советский период, включаются они и в современные научно-биографические издания⁴⁷. Кроме того, материалы личного происхождения доста-

---

⁴³ Духовное завещание Курамши Акчурина / Публ. Н.Таирова // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 1999. – №3/4. – С.278–280; Стенограмма слушания духовного завещания казанского купца Ахмета Галеевича Хусайнова / Публ. Р.Салихова, Р.Хайрутдинова // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2001. – №1/2. – С.21–28.

⁴⁴ НМ РТ. КИПи-17021.

⁴⁵ Однодневная перепись населения г.Оренбурга, произведенная 21 декабря 1875 г. – Оренбург, 1878; Однодневная перепись г. Уфы 1879 года // Справочная книжка Уфимской губернии. – Уфа, 1883. – С.35–236; Ведомости о личном составе населения, дворовых участках, строениях и квартирах г.Астрахани, составленные на основании результатов однодневной переписи 20 января 1891 года. – Астрахань, 1895.

⁴⁶ Карими Ф. Мэрхум Гыйльман ахун // Фатих Карими. Научно-биографический сборник. – Казань, 2000. – 15–73 б.; Шәрәф Б. Кинрәк нәзарлы кеше... // Бертуган Рәмиевләр: Фәнни-биографик җыентык. – Казан, 2002. – Б.130–134; Фәхретдин Р. Әхмәд бай. 1837–1906. – Оренбург, 1910; Баттал Г. Габделәли Яушев, Зәйнүлла хәзрәт Рәсули вә ахунд Әхмәд хажы рисаләседер. – Оренбург, 1912; Шәрәф Б. Гани бай. – Оренбург, 1998; Автобиография казанского купца Ахметзяна Сайдашева / Публ. Р.Салихова, Л.Мухамедеевой // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2007. – №1.

⁴⁷ Хатлар // Габдрахман Гумари. Научно-биограф. сб. – Казань, 2002. – С.220–242; Из писем И.Гаспринского родным и близким // Исмаил Гаспринский. Историко-документ. сб. – Казань, 2006. – С.116–127; Ә.Хәсәнинең чит җирләрдән хатынына язган хатлары // Әхмәтпәрей Хәсәни. Фәнни-популяр җыентык. – Казан, 2011. – Б.273–307; Тукай Г. Хатлар (1902–1913) // Г.Тукай. Әсәрләр. – Т.5. – Казан, 1986. – Б.67–126; Коләхметов Г. Хатлар// Г.Коләхметов. Яшь гомер. –

точно широко представлены в личных фондах писателей, ученых в ЦІМН ИЯЛИ АН РТ, ОРРК НБЛ К(П)ФУ.

Часто побудительным фактором ведения дневников становились путешествия. Саяхатнаме (путевые записки) стали популярны еще со второй половины XIX века. Самым ярким образцом такой публицистики являются сочинения Ф.Карими⁴⁸.

Обширную подгруппу источников личного происхождения составляют мемуары. Подготовке и публикации воспоминаний разных людей о знаменитых современниках много внимания уделялось в советское время⁴⁹. Мемуары часто печатались и в журнале «Совет эдэбияте» (позже – «Казан утлары») ⁵⁰. Большой информативностью отличаются источники, созданные без определенной цели, а лишь для того чтобы зафиксировать свои воспоминания о себе и своем времени⁵¹.

В новейшее время много материалов личного характера было опубликовано в журналах «Гасырлар авазы = Эхо веков», «Казань»⁵². В 2000-е годы появились издания из серии «Шэхеслер» – научно-документальные сборники, посвященные отдельным татарским деятелям: просветителям, ученым, писателям, издателям. В них собраны разноплановые сведения: как официальные документы, так и материалы из семейных и личных архивов: письма, путевые записки, дневники, мемуары, фотографии и т.д.

Воспоминания шакирдов и преподавателей представлены в коллекции документов по истории уфимского медресе «Галия» (Ф. Р-4767) в ЦИА РБ. Отдельные коллекции личного происхождения, где содержатся письма, визитные карточки, автобиографии и другие документы хранятся в НМ РТ, МНК НКЦ «Казань». В личном фонде Ш.Гаспринской (Ф.186) в НАРТ имеются ее мемуары, написанные на турецком языке. В них со-

---

Казан, 1981. – 217–224 б.; Ш.Бабич. Зәңгәр жырлар. – Казан, 1990; Хатлар // Фатих Карими. Научно-биограф. сб. – Казань, 2000. – 222–266 б.; Әмирхан Ф. Хатлар (1902–1925) // Ф.Әмирхан. Әсәрләр. – Т.4. – Казан, 1986. – Б.221–305.

⁴⁸ Карими Ф. Яуропага сәяхәтнамә. – СПб., 1902; Карими Ф. Истамбул мәктүпләре: (Саяхатнама) // Мирас. – 2001. – №№ 3–10; 2002. – №1.

⁴⁹ Мәжит Гафури тураһында замандаштары. Истәлектәр. – Өфө, 1961; Тукай турында хатирәләр. – Казан, 1976; Галиасгәр Камал турында истәлектәр. – Казань, 1979.

⁵⁰ Рәми И. Чәнәчкелә еллар утә килгәндә // Совет әдәбияты. – 1960. – №№ 5, 8; Аитов Л. Артистның тормыш юлы // Казан утлары. – 1966. – №№6, 7; Абушаев Х. Галимжан Ибраһимов укыган иске медресә // Казан утлары. – 1987. – №2. – Б.167–170; Укмасый М. Фатих Әмирхан турында истәлектәр // Казан утлары. – 1996. – №1. – Б.156–157.

⁵¹ Рәмиев И. Истәлектәр. – Казан, 1965; Бәшири З. Замандашларым белән очрашулар. – Казан, 1968; Кудаш С. Незабываемые минуты. Воспоминания. – М., 1964; Валиди З. Воспоминания. Борьба мусульман Туркестана и других восточных тюрок за национальное существование и культуру. – М., 1997; Баттал Таймас Г. Мин бер яктылык эзләгән илем. – Казан, 2003.

⁵² Юнусов Г. Из жизни купцов-меценатов Юнусовых // Казань. – 1997. – №10–11. – С.92–134; Губайдуллин С. Казаковы // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2004. – №3/4. – С.204–216.

держатся описания её детских лет, некоторые детали из быта семьи симбирских фабрикантов Акчуриных⁵³.

5) *Материалы дореволюционной периодической печати* составили пятую группу источников. В региональных и центральных газетах, журналах конца XIX – начала XX века, издаваемых на русском и татарском языках, содержатся ценные сведения по повседневной жизни мусульман. Часть дореволюционных татарских публицистических материалов переиздана в советское время и на современном этапе⁵⁴.

6) В качестве *справочных изданий* привлекались Памятные книги, Адрес-календари различных городов и губерний, дореволюционные справочники-энциклопедии, дающие объяснение отдельным понятиям в соответствии с дискурсом конкретной исторической эпохи, и другие аналогичные издания⁵⁵.

7) Восстановление картины татарского мира конца XIX-начала XX века невозможно представить без *художественной литературы* того периода. Если в произведениях просветителей конца XIX века (Р.Фахредина, З.Бигиева, М.Акъегета) освещены лишь отдельные детали быта, то реалистичная проза Г.Исхаки, Ф.Амирхана, Г.Ибрагимова, Н.Думава обладает большим источниковедческим потенциалом. Кроме того, представляет определенный научный интерес и татарский фольклор, такие его жанры как байты и пословицы. Особенно при изучении ментальных установок народа.

8) *Визуальные (изобразительные) материалы* можно разделить на несколько подгрупп. Это фотографии, книжные и газетные иллюстрации, в том числе реклама, бланки, визитки, афиши. Из этих источников, безусловно, наибольшее значение имеют фотографии. Коллекции фотоматериалов имеются в НМ РТ, НА РТ, ЦПМН ИЯЛИ АН РТ.

9) *Аудиоматериалы* представляют собой граммофонные записи. Они выражают музыкальную эстетику рубежа XIX–XX веков. Музыкальные коллекции дореволюционных записей имеются в НМ РТ, в ЦПМН ИЯЛИ

---

⁵³ НА РТ. Ф.186. Оп.1. Д.5.

⁵⁴ Исхакий Г. Әсәрләр. – Т.6. – Казан, 2005; Акчура Ю. Сайланма әсәрләр. – К., 2011; Гафури М. Әсәрләр. – Т.3. – Казан, 1983; Әмирхан Ф. Әсәрләр. – Т.4. – Казан, 1986; Т.3. – Казан 1989; Ибраһимов Г. Әсәрләр. – Т.5. – Казан, 1978; Тукай Г. Әсәрләр. – Т.3, Т.4. – Казан, 1985; У милосердия древние корни (Благотворительность и милосердие в Казани в годы Первой мировой войны. 1914–1917). Сб. док.и матер. Кн.2. – Казань, 2003; Рецензиялардан тәгъзияләргә: XX йөз башы татар әдәби тәнкыйте. Хрестоматия. – Казань, 2008.

⁵⁵ Адрес-календарь и справочная книга Казанской губернии на 1916 год. – Казань, 1916; Адрес-календарь и справочная книга Пермской губернии на 1915 год. – Пермь, 1914; Адрес-календарь Рязанской губернии на 1892 год. – Рязань, 1891; Адрес-календарь Рязанской губернии на 1909 год. – Рязань, 1908; Адрес-календарь Уфимской губернии на 1917 год. – Уфа, 1917; Вся Астрахань и Астраханский край. Памятная книжка Астраханской губернии на 1906 год. – Астрахань, 1906. и т.д.

РТ. Еще одна коллекция, сформированная из записей французской звуко-записывающей компании «Пате» нами была обнаружена в аудиовизуальном департаменте Национальной библиотеки Франции (BNF).

10) *Вещественные источники*. Определенную информацию о частной жизни татарского народа в указанный период, можно почерпнуть из вещественных источников, представленных в музейных экспозициях и фондах. Особое внимание в этой связи было уделено НМ РТ и МНК НКЦ «Казань», как наиболее богатым материалами по татарской истории: это костюмы, предметы интерьера, игрушки и т.д.

Обзор источников свидетельствует о широких научных возможностях в раскрытии темы исследования.

Вторая глава диссертации «Факторы формирования стиля жизни» посвящена базовым условиям исследуемого предмета. Буржуазным преобразованиям второй половины XIX – начала XX века предшествовали существующие со времен Казанского ханства традиции татарской городской культуры: торговых операций, ремесленничества, образования и искусства. Именно в городском пространстве стало возможно формирование татарского буржуазного общества, с новой социально-профессиональной дифференциацией. Влияние европейской культуры на повседневную жизнь татар-мусульман особенно заметным было в городских условиях.

В первом параграфе *«Центры татарской городской культуры»* дана характеристика татарских городских общин: особенности формирования, условия развития, социокультурная инфраструктура. Автором подчеркивается, что на рубеже XIX–XX вв. появилась татарская буржуазная культура, которая в своей основе была городской. Нарушение общинных связей в начале XX века свидетельствовало о новом этапе развития татарских слобод, жизнь в которых обрела в определенной степени буржуазные черты.

Татарские слободы в ряде городов Российской империи имели давнюю историю. Эпоха буржуазных реформ затронула многие сферы жизни, серьезно изменились социально-экономические устои общества. Сословно-общинные основы социального устройства стали играть меньшую роль, увеличились темпы миграции, менялась городская инфраструктура, стремительнее развивалась сфера услуг. В городах распространилась все большая анонимность. Приметой времени стали многоквартирные доходные дома.

Возникшее в конце XIX века движение за обновление ислама являлось продолжением данных преобразований. Основным достижением реформаторов стали мусульманские школы нового типа со звуковым методом

обучения. В начале XX века среди татар-мусульман появилась особая социальная категория – светская интеллигенция. Во многих городах Волго-Уральского региона в этот период функционировали образования буржуазного типа, рассчитанные на мусульман: благотворительные общества, новометодные учебные заведения, книгоиздательства, СМИ, клубы, гостиницы, заведения общепита.

К концу XIX столетия наиболее крупные татарские общины находились в Казани (28520 человек), Астрахани (15355), Оренбурге (11321) и Уфе (5190)⁵⁶. Появление новых социальных связей, увеличение темпов миграции, развитие инфраструктуры, системы услуг изменили жизнь городских татар. Трансформация традиционной общины привела к разрыву между селом и городом, на рубеже XIX–XX веков эти границы стали особенно отчетливыми.

Во втором параграфе рассматривается *«Татарское буржуазное общество»*. Понятие «буржуазное общество» утвердилось, в большей степени, в советское время. Буржуазные общества (капиталистические) противопоставлялись передовому коммунистическому обществу⁵⁷. Обращаются к этому термину и некоторые современные историки, привлекая его для обозначения российского общества второй половины XIX – начала XX века⁵⁸.

В монографии Х.Х.Хасанова конец XVIII – начало XX века выделяется как время формирования татарской буржуазной нации⁵⁹. Мы брали за основу узкое значение слова «общество». Этим понятием в дореволюционной России обозначали высшие слои или элиту. Наряду с обществом всегда существовал еще и народ, с традиционным пониманием мира, менее восприимчивый к новациям⁶⁰. Во второй половине XIX века лишь у небольшой части татарского народа созрела необходимость в переменах, связанных, прежде всего, с внедрением европейской культуры.

Татарское буржуазное общество – эта часть общности татар-мусульман, сформировавшаяся в последней трети XIX века на базе городской культуры и частной собственности, явившаяся результатом предпринимательской инициативы, обновленческого движения в исламе и адаптации европейского образа жизни к особенностям татарской среды. Национальные товары и услуги, социальные нормы и самоорганизация определялись единством религии, истории, культуры и служили для самовоспро-

⁵⁶ Исхаков Д.М. Урбанизационные процессы среди татар в Волго-Уральском регионе в XVIII – начале XX вв. // Материалы по истории татарского народа. – Казань, 1995. – С.289.

⁵⁷ Буржуазное общество в поисках стабильности. – М., 1991.

⁵⁸ Волков В.В. Исторический опыт формирования буржуазного общества в России (вторая половина XIX – начало XX в.). Автореф. дисс. ... д.и.н. – М., 2008.

⁵⁹ Хасанов Х.Х. Формирование татарской буржуазной нации. – Казань, 1977.

⁶⁰ Филд Д. Социальные представления в дореволюционной России // Реформы или революция? Россия 1861–1917. – СПб., 1992. – С.69.

изводства и саморегуляции данной социальной системы. Доминантами татарского буржуазного общества являлись образование, индивидуализм, материальный достаток, социальная мобильность, которые были необходимы для полноценной интеграции индивида в российское общество, с сохранением религиозной идентичности и конкурентоспособными возможностями в профессиональной сфере.

Татарская мусульманская общность, существовавшая вплоть до 80-х годов XIX века в традиционных рамках, за последующие тридцать-тридцать пять лет значительно видоизменилась. Перемены были обусловлены буржуазными реформами в России и мировой мусульманской модернизацией. Сословная основа общественного устройства была заменена новыми социальными группами буржуазного характера, исходя из их материально-духовных запросов, сформировалась национальная городская культура и стиль жизни.

Для стратификации татарского буржуазного общества выбраны уровень образования, род занятий, материальный достаток, возраст индивидов. На основе этих признаков выделены следующие социальные группы: предпринимательство, интеллигенция, религиозные служители, учащиеся. Все они чаще всего проживали в городах.

В обозначенное нами «татарское буржуазное общество» не включены представители рабочих профессий. Рабочие продолжали во многом оставаться носителями традиционной народной культуры, придерживались собственной системы ценностей, изучение которых должно стать предметом отдельного монографического исследования.

С точки зрения возрастной стратификации, принимая во внимание, что основная социально-политическая активность в татарском буржуазном обществе приходилась на начало XX века, можно выделить условные поколения: 1) родившиеся в 1830–1840-е годы – «старшее поколение», в большинстве своем, придерживались традиционных воззрений; 2) родившиеся в 1850–1860-е годы – поколение «зрелых людей»: именно они выступили инициаторами реформаторства (джадидизма); 3) молодежь, родившаяся в 1870–1880-е годы, сформировалась как под влиянием джадидских преобразований, так и русской культуры. Движущей силой буржуазных преобразований в обществе являлись представители второго поколения, третье поколение стало проводником сформировавшегося в начале XX века буржуазного стиля жизни в народную среду.

В третьем параграфе *«Диффузия европейской культуры»* рассматривается воздействие различных культур на повседневную жизнь татар. Под диффузией понимается процесс передачи определенных социальных

практик от одной группы к другой⁶¹. Влияние европейской культуры прослеживается со второй половины XIX столетия. Традиции дворянства в семьях мурз, коммерческие интересы татарской буржуазии обусловили постоянные контакты с русским населением, в результате которых татары-мусульмане знакомились с европейской культурой, учили русский язык. Однако в конце XIX века главным импортером западных нововведений являлась Османская империя: литература и мода доходили до татар-мусульман в адаптированном виде. Основными факторами привлекательности данного варианта западной продукции являлись единство религии с посредником (турками, арабами) и отсутствие языкового барьера. Российские мусульмане по пути в Мекку и Медину чаще всего останавливались в Стамбуле. Некоторые татарские юноши предпочитали обучаться в Турции и Египте, из-за того, что не всем удавалось получить достойное образование в пределах России.

Но в результате государственного регулирования вопроса, стали учить русский язык муллы, шакирды медресе. Открытие земских русско-татарских школ и профессиональных учебных заведений, рассчитанных на инородцев, также способствовало стремлению татар к русскому варианту европейской культуры. Знание русского языка и культуры являлось неким форпостом на пути к западным новациям. Это влияние можно проследить в литературе начала XX века, в зарождении национального театра, устройстве клубов и различных обществ, а также в обустройстве домашнего быта, одежде, речи.

Очень узкому кругу был доступен третий путь познания – знакомство с европейской культурой непосредственно из первоисточника. Путешествие в страны Европы совершали богатые предпринимательские семьи, как в ознакомительных целях, так и по коммерческим делам; отправляли учиться туда своих детей. Некоторые молодые люди, после обучения в османских учебных заведениях, продолжали учебу в Европе⁶².

Городское пространство стало наиболее благоприятной средой для диффузии европейской культуры в жизнь татар-мусульман. Новые социальные ориентиры способствовали их дальнейшей интеграции в российское общество.

Третья глава диссертации «Преобразования в материальной сфере» посвящена различным материальным аспектам частной жизни городских татар. В первом параграфе «*Модернизированное жилое пространство*» речь идет об организации домашних интерьеров и пространства

⁶¹ Лоусон Т., Геррод Д. Социология. А – Я: Словарь-справочник. – М., 2000. – С.97.

⁶² Амирханов Р. Система конфессионального образования у татар // Ислам и мусульманская культура в Среднем Поволжье. – Казань, 2001. – С.153.

вокруг жилого дома. У городских татар-мусульман уже в начале XIX века наблюдалось стремление устроить свой быт в европейском стиле. Появились столы, стулья, кресла, диваны, комоды, шкафы. Однако залы и гостиные, кабинеты использовались скорее для показательных целей. Женская половина дома долго сохраняла традиционные черты и практически всегда была скрыта от посторонних глаз. Презентационная европеизация татарского городского дома не означала полной перестройки быта его обитателей на новый лад.

Переломным моментом стал рубеж XIX–XX веков. Выпуск мебели, рассчитанный на широкий спрос, реклама, непосредственное знакомство с другой организацией пространства в каютах и купе, гостиничных номерах, местах общепита влияли на более активные перемены в домашнем быту. Сыграла свою роль и перестройка интерьеров мусульманских учебных заведений. В новометодных медресе с 1890-х годов использовалась европейская школьная мебель: парты, столы, стулья. В общежитиях вместо традиционных деревянных нар (сэке) ставили железные кровати. Новые условия обучения и проживания изменили привычки учащихся. Устоявшийся в стенах медресе образ жизни они переносили и в свой семейный быт.

Новое понимание жилого пространства сочетало в себе стремление к комфорту и индивидуализму: проведение электричества, установку сантехнических устройств, телефонизация, разделение жилья на отдельные комнаты, кабинеты, спальни, зоны отдыха. Облагораживая участок возле дома, торговые люди пытались копировать дворянскую культуру с их парками и аллеями.

Особое внимание к материальным благам, чрезмерное потребление и накопительство – один из признаков стиля жизни буржуазного общества. В этих условиях, естественным желанием многих обладателей имущества стало стремление обезопасить себя от возможной потери – особую популярность приобрели страховые услуги. Такое поведение, где человек полагался на собственные силы и рассчитывал ход событий на несколько шагов вперед, свидетельствовало о росте рационализма в мышлении мусульман и об отходе от традиционного фаталистичного мировоззрения.

Во втором параграфе *«Изменения в культуре питания»* говорится о переменах в пищевом рационе татар-мусульман, о повлиявших на них просветительской литературе, трактирах, новой динамике жизни.

В конце XIX века преимущественно мясомолочная татарская кухня дополнилась продуктами растительного происхождения. Идея о полезности овощей и фруктов проводилась в татарской научно-популярной литературе. Это было связано с близким знакомством мусульман с русской культурой, развитием трактирной сети. Времяпрепровождение в местах

общепита стало распространенным явлением. Трактирные заведения помимо своей основной функции выполняли еще роль своеобразных клубов, являлись местом деловых встреч, общественных собраний и т.д.

В данный период появились элементы быстрого питания. Степенные домашние обеды и ужины заменяли скорыми перекусами с бутербродами на рабочем месте, супами-полуфабрикатами дома, или же трапезами в трактирах и чайных. Перекусы отражали новую динамику буржуазной эпохи, где большое значение придавалось скорости.

В пореформенное время в татарской кухне стали применять новые виды посуды, вместе с ней изменилась и технология приготовления старых блюд. Кроме того, рецепты печатались на страницах календарей, в женском журнале «Сююмбике», кулинарных книгах. В Казани были организованы кулинарные курсы для мусульманок. В некоторых семьях сервировали обеденный стол в европейском стиле. Умение девушек готовить европейские блюда часть татарской молодежи рассматривала как факт, свидетельствующий о её прогрессивности, образованности.

Стремление к европейской жизни, развитие трактирной культуры влияли не только на перемены в рационе питания, но и в целом на нормы поведения. В начале XX века значительно увеличилось число лиц, употребляющих спиртные напитки. Еще одной вредной привычкой некоторых молодых татар-мусульман было табакокурение.

В третьем параграфе *«Адаптированная городская мода»* уделяется внимание внешнему виду городских татар во второй половине XIX – начале XX вв. Одежде в повседневной жизни придавалось большое значение, наряды и аксессуары являлись предметом коллекционирования, вложения средств, выразителями социального статуса человека.

В городской среде влияние европейской моды наблюдалось с первой половины XIX века. Это было характерно для татар-дворян, для служащих государственных учреждений, для учеников русских учебных заведений. Все они старались следовать городскому стилю одежды. Среди остальных социальных слоев – предпринимательства и духовенства еще в конце XIX века доминировали народные костюмы. Европейская мода проникла в их среду в виде отдельных деталей, аксессуаров. К началу XX века яркие национальные костюмы вытеснялись нарядами более скромного покроя и умеренных тонов.

В это время среди татарского населения выделились несколько вариантов адаптированной европейской моды. Во-первых, это совмещение национальных элементов (калфаков, каляпушей) с городскими платьями и костюмами. Мужская народная одежда дополнялась европейскими аксессуарами – очками, часами и т.д.

Во-вторых, наиболее богатые семьи в 1910-гг. начали одеваться полностью в стиле модерн. Вытянутые женские силуэты, шляпы, пиджаки с галстуками и т.д.

В-третьих, представители светской интеллигенции одевались в довольно простые костюмы, которые повторяли европейский крой. Некоторые молодые люди использовали элементы русского народного костюма (вышитые крестьянские рубахи).

По одежде можно было, как и раньше, судить о материальном положении человека. Но кроме этого, она свидетельствовала о характере его мировоззрения, об успешности, о его образованности, и, как тогда выражались «прогрессивности». Из-за распространения адаптированной городской моды татарская национальная одежда первой половины XIX века превратилась в своеобразный этнический символ.

В четвертом параграфе *«Развитие транспортных потребностей»* приводится обзор различных видов транспорта, рассматривается отношение татарского населения к ним.

После обустройства дома, первое, на что обращали внимание городские татары, это личный транспорт. Поэтому в богатых семьях имелись несколько лошадей, с различными приспособлениями перевозки: от обычных телег до дорогих карет. До конца XIX века транспорт был примерно одинаковым для всех слоев населения, отличаясь лишь стоимостью лошади, телеги или саней, а также тем, что кто-то являлся владельцем собственного экипажа, а кто-то нанимал его.

Конец XIX – начало XX века – время перемен для транспортной системы. За короткий промежуток появилось сразу несколько видов новых средств перевозок: конки, трамваи, пароходы, поезда, автомобили, мотоциклы, велосипеды. Транспортные средства ускорили темпы жизни, мобильность открыла дополнительные возможности для реализации различных замыслов.

Результаты научно-технического прогресса меняли традиционные воззрения. Транспорт служил олицетворением прогрессивности и широты взглядов человека. Некоторые богатые семьи покупали велосипеды, автомобили, мотоциклы.

«Самодвижущиеся экипажи» или «телеги без лошади» стали сильным испытанием для неискушенного человеческого сознания. Часть татарского населения относилась к ним с подозрением. Но практическая польза новых видов транспорта перевесила стереотипы восприятия. Развитие транспортных потребностей способствовало расширению и активизации предпринимательской деятельности, укреплению семейно-родственных и

династийных отношений, развитию между разными городскими центрами культурного обмена, консолидации татарской нации.

В четвертой главе работы **«Рационализация поведения в контексте буржуазной трансформации»** внимание уделяется развитию медицины, фотографии, банковско-страховых услуг. Все они оказали значительное воздействие на рационализацию поведения татар-мусульман, с проникновением этих элементов в жизнь татарского общества были преодолены некоторые стереотипы традиционного мировоззрения.

В первом параграфе **«Особенности медиализации»** рассматриваются распространение медицинских знаний и услуг в татарском буржуазном обществе, эволюция взглядов пациента. Медиализация – термин, появившийся во французской историографии в 1970-е годы. Он включает два процесса: с одной стороны, это постепенное вовлечение все большего числа людей в сеть медицинских услуг, с другой – изменения поведения человека, его отношения к собственному телу и к медицине⁶³.

У татар-мусульман всегда наблюдалось недоверие ко всему иноверному, в том числе и к врачам. Долгое время существовал языковой барьер, поэтому очень немногие обращались за медицинской помощью.

Особое внимание к медицине, к мерам профилактики в России наблюдалось с XIX века. Благодаря государственному содействию, с 1830-х годов в Казанском университете начали готовить врачей-мусульман для татаробашкирского населения Оренбургской губернии. Данная практика продолжалась до отмены кантонной системы в середине 1860-х годов.

Альтернативой официальной медицине являлись услуги знахарей, целителей, повитух, известных еще с языческих времен. Они лечили травмами, заговорами и т.д. В основе такой терапии было самовнушение. С принятием ислама, с языческими целителями конкурировали мусульманские ишаны. Муллы лечили при помощи молитвы, делали обереги, заговаривали соли.

С усилением влияния государства в социальной сфере, с большей информированностью людей, росло число лиц вовлеченных в сеть услуг научной медицины. Губернские правления обращались в Оренбургское магометанское духовное собрание, чтобы муллы посодействовали выработке более лояльного отношения населения к прививкам и другими профилактическим, санитарным мерам. Это касалось и похоронных обрядов. При эпидемиях не разрешали хоронить по мусульманскому обычаю. Значительная работа по пропаганде медицинских знаний на страницах печат-

---

⁶³ Шлюмбом Ю., Хагнер М., Сироткина И. История медицины: актуальные тенденции и перспективы // Болезнь и здоровье: новые подходы к истории медицины. – СПб., 2008. – С.21.

ти, на литературных вечерах в начале XX века проводилась татарской светской интеллигенцией.

Все эти меры в большей степени были направлены на простое население, т.к. состоятельные круги находились под влиянием русской культуры, и обращение к услугам врачей считалось у них хорошим тоном. В некоторых городских семьях были свои семейные доктора. Богатые мусульмане при лечении своих недугов не отказывались от самых разных вариантов врачевания, в том числе от операционного вмешательства, активно пользовались аптечными услугами.

При этом большинство татарского населения предпочитало амбулаторное лечение, и избегало стационаров. Для некоторых представлялось затруднительным нахождение в одном больничном помещении с иноверцами, есть одну пищу с ними.

Продолжали существовать и альтернативные методики лечения. Особенно, когда дело касалось ритуальных моментов, например, обряда обрезания, представители официальной медицины были на вторых ролях.

В целом же, к началу XX века степень медиализации в татарском буржуазном обществе была достаточно высокой, традиционные представления о человеке, о его здоровье, о методах лечения, постоянно пополнялись новыми научными знаниями. Благодаря рационализации мышления исчезли многие стереотипы.

В подпараграфе 4.1.1. рассматривается *«Развитие физической культуры»*. Заметную роль в жизни городских татар-мусульман в начале XX века играли физическая культура и спорт. Если во второй половине XIX столетия на различных народных праздниках спортивные игры выделялись из-за зрелищности и соревновательного аспекта, т.е. как забава, то в следующем столетии преобладал более рациональный подход. Занятия физической культурой и спортом стали популярны как средство для укрепления организма. Особенно выделялись гимнастика, катание на коньках, езда на велосипеде. Через спортивные игры и занятия физкультурой человек поддерживал свой физический дух, он был нацелен на здоровый образ жизни.

Во втором параграфе *«Визуализация реальности: распространение фотографии»* раскрываются вопросы, связанные со сложностями визуализации реальности в татарской мусульманской среде. В ней не приветствовались любые изображения живых существ, т.к. они напоминали языческое идолопоклонничество и христианские иконы. Данный запрет был вытеснен с появлением фотографии.

Интегрированность татар в структуру российского общества вынуждало их принять требования государственных властей, связанные с исполь-

зованием фотографических изображений еще в конце XIX века. Это касалось сдачи муллами экзаменов на знание русского языка, поступления в учебные заведения, проездных билетов. У части населения данная практика вызывала неоднозначную реакцию, иногда в одной семье наблюдались совершенно противоположные взгляды на фотографирование.

В начале XX века фотография превратилась в повседневное явление и не вызывала особой критики. Фотографы-любители появились и среди татар-мусульман. Развитие буржуазной национальной культуры: книгоиздательства, газет и журналов, театра требовало новых форм подачи материала. Конкуренция вела к тому, что предлагаемая продукция отошла от существовавшего ранее минимализма, и дополнилась новыми художественными изысками. Татарские газеты и журналы, книги публиковали фотографии известных общественных деятелей и писателей. В новомодных медресе выдавали оригинальные свидетельства об окончании учебного заведения или о переходе в следующий класс, на которых изображались наиболее известные татарские писатели, публицисты и т.д.

Появление фотографии стало еще одним шагом к раскрепощению татарской женщины. Даже если она скрывалась в женской половине дома, на совместных снимках с мужем или с другими родственниками её могли увидеть и другие люди, например, друзья супруга. В семьях в начале XX века составлялись фотоальбомы. Фотокарточки играли определенную роль и в выборе спутника жизни. Окончательное решение о браке принималось на основании снимка невесты или жениха.

Таким образом, фотография играла значительную роль в общественной и частной жизни татар-мусульман. Благодаря фотографическим услугам изменилось и отношение к изобразительному искусству. Татары-мусульмане увеличивали собственные фотоснимки для домашнего пользования, были созданы и первые портреты.

В третьем параграфе *«Финансовые инструменты и гарантии»* освещается тема финансового регулирования жизни в татарском буржуазном обществе, рассматривается влияние банковских операций на традиционное мировоззрение.

Активное развитие банковского дела оказывало влияние на характер коммерческих дел татарских предпринимателей. Уже с середины XIX века они являлись клиентами различных банков⁶⁴. Их кредитные запросы постоянно росли. Даже заключая сделки между собой, они следовали общепринятым в торговой среде принципам и начисляли проценты.

---

⁶⁴ Салихов Р., Хайрутдинов Р., Хайрутдинова Л. Очерки истории Национального банка Республики Татарстан. – Казань, 2000. – С.27–28.

Банковскими услугами еще со второй половины XIX века пользовались и религиозные служители. Бедные городские татары обращались к услугам ломбардов, ростовщиков. При этом, начисление процентов противоречило традициям ислама. Знаменитый ишан из Оренбургской губернии Зайнулла Расулев в начале XX века, по просьбе троицких предпринимателей, дал устное разрешение на пользование банковскими кредитами и процентами⁶⁵.

На страницах татарской прессы неоднократно говорилось о том, что необходимо признать рибу (проценты). Однако все обсуждаемые в печати варианты сводились, либо к безпроцентным обществам взаимного кредита (то есть к полному отрицанию рибы), либо к умеренным процентам в собственных исламских банках (которые, по сути, являлись той же запретной рибой), т.е. договориться об альтернативе не получилось.

В начале XX века получили распространение ссудо-сберегательные кассы. Они стали альтернативой ломбардам и ростовщикам, такие кассы не противоречили требованиям ислама. Ссудно-сберегательные кассы создавались даже в рамках отдельных торговых домов, принадлежащих татарским предпринимателям, в том числе в уездных городах.

В этот же период популярность приобретают страховые услуги. Кроме страхователей имущества, появились и сторонники страхования жизни. Стремление обезопасить свою жизнь и имущество при помощи материальных ресурсов являлось одним из признаков буржуазных взаимоотношений, которые предусматривали, главным образом, обмен товарами и услугами, и, не были обременены родственными, соседскими или иными социальными связями. Человек искал определенные гарантии, пытался защитить себя и близких при помощи страхования, ссудно-сберегательных касс, денежных вкладов в банках.

Философия всемогущества денег и необходимости их накопления была одним из основных мотивов общественного развития. Поэтому возникшие противоречия этой сферы были быстро разрешены в пользу практической выгоды. Даже вакуфные деньги часто являлись банковскими вкладами, проценты с которых шли на содержание мечетей. Данные изменения стали важными факторами социокультурных трансформаций в татарском буржуазном обществе во второй половине XIX – начале XX века.

Пятая глава диссертации называется «Формы свободного времяпрепровождения». Культура отдыха и свободного времяпрепровождения является важным показателем стиля жизни человека. Именно в этой сфере он проявлял свою свободную волю, выбирал тот или иной вариант

---

⁶⁵ Насыйров Р. Зайнулла ишан. – Казан, 2000. – Б. 14.

досуга. Со второй половины XIX-го века в этой сфере произошли заметные изменения: появились альтернативы домашним праздникам в виде клубных мероприятий, синематографа, читален. Все они были связаны и с коммерческими интересами, и ростом общественной активности.

В первом параграфе *«Культура чтения как часть повседневности»* рассматривается распространение светской книги в татарской среде, направления книгоиздательского дела и периодической печати начала XX века. У татар с древности был культ книги, прежде всего, религиозной. Свидетельством уважительного отношения к Корану являлось то, что его всегда держали в доме на самом высоком месте, класть какой-либо предмет выше священной книги считалось грехом⁶⁶. Высокие показатели арабской грамотности среди населения были связаны с необходимостью чтения Корана. Богатые домашние библиотеки имелись не только у представителей духовенства и интеллигенции, но и в купеческих семьях.

Наступившая буржуазная эпоха значительно усложнила социально-экономическую жизнь татар. Новые тенденции не всегда можно было объяснить с помощью традиционных понятий. Назрела необходимость в книгах светского характера. Отношение к нерелигиозной литературе у населения было неоднозначным. К читателю обычной книги относились с подозрением. Некоторые авторы предпочитали даже свои нерелигиозные книги, например исторические, начинать с прославления Аллаха.

Значительную роль в жизни российских мусульман сыграла первая газета на языке тюрки «Тарджеман», благодаря этому изданию среди татар особую популярность приобрела Османская империя и светская культура. Во второй половине XIX века в татарских медресе были распространены турецкие книги, большая часть которых являлась переводом с западноевропейских языков. Кроме того, на рубеже XIX–XX веков шакирды активнее учили общеимперский язык, для многих стала доступнее русская периодическая печать и литература.

Огромный поток художественных и научно-популярных книг самой разной направленности, а в начале XX века повременных изданий на татарском языке стал основной преобразующей силой переходного этапа. На страницах прогрессивной прессы и литературы пропагандировались атрибуты буржуазного стиля жизни: велись дискуссии об образовании, моде, печаталась реклама различных товаров и услуг и т.д. Существовала и оппозиционная литература, отрицавшая нововведения, она занимала собственную нишу и у неё имелась своя читательская аудитория.

Распространению культуры чтения газет и журналов, а также светских книг, в определенной степени повлияли и мусульманские библиотеки, ко-

---

⁶⁶ ЦПМН ИЯЛИ АН РТ. Ф.18. Оп.1. Д.34. Л.12.

торые открылись во многих городах Волго-Уральского региона. Их посещали как мужчины, так и женщины.

Уважительное отношение к книге, к духовной учености и сложившаяся благодаря этому культура чтения составили важную часть повседневной жизни татар-мусульман. Широко развернувшаяся издательская сеть начала XX века свидетельствовала о высокой потребности в литературе разного характера. Светские издания, с одной стороны отражали сложившуюся действительность, с другой помогали народу адаптироваться в новых условиях.

Второй параграф *«Роль звукозаписи в становлении музыкальной культуры»* посвящен различным техническим новшествам в сфере музыки и связанным с ними переменам в частной жизни татар-мусульман. Музыкальная культура на протяжении долгих столетий носила частный характер, публичное исполнение мелодий не приветствовалось мусульманским духовенством. Несмотря на существующие запреты, любовь к музыке всегда присутствовала и новые формы досуга, утвердившиеся в конце XIX – начале XX века, ярко иллюстрируют это пристрастие. В домашнем быту городских татар в середине XIX века появились поющие часы, чуть позднее – различные музыкальные шкатулки: «Стелла», «Аристон», «Мирра» и другие. В конце XIX века в Казани известными мастерами по музыкальным пластинкам для таких механизмов были Г.Минкин и его ученик Г.Сайфуллин. Они записывали татарские мелодии и рассылали свою продукцию по всей России⁶⁷.

В начале XX века получили распространение граммофонные записи. Помимо вокала, на пластинках были представлены инструментальные композиции, стихи и короткие рассказы на татарском языке. Имелись и записи религиозного содержания. Новшество вызвало неоднозначную реакцию в обществе. В Оренбургское магометанское духовное собрание обращались мусульмане из Уфы, Симбирской губернии, Санкт-Петербурга с просьбой принять меры против проигрывания сур из Корана на граммофонах. Особенно раздражало просителей то, что эти пластинки слушали в трактирах⁶⁸.

Граммофонные записи стали альтернативой, объединяющей публичное исполнение и приватное прослушивание. Не все татарские женщины могли позволить себе посещение ресторанов и трактиров, общественных садов. Благодаря звукозаписи этот вид культурного отдыха проник и в домашнюю среду.

---

⁶⁷ Габяши С. О татарской музыке // Султан Габяши. – Казань, 1994. – С. 50.

⁶⁸ ЦИА РБ. Ф.И-295. Оп. 6. Д. 308. Л. 1–8.

Татарская городская культура, представленная граммофонными записями, была в своей основе подражательной. Некоторые русские песни перепевались на татарский лад. Репертуар и качество исполнения очень часто становились предметом критики на страницах татарских газет. Распространение музыкальных носителей и дальнейшее обсуждение всех плюсов и минусов данного направления досуга, выработка более высоких требований к ним, создавало единое культурное пространство, что, безусловно, сыграло значительную роль в консолидации татарской буржуазной нации.

Бурные дискуссии, в какой-то мере спровоцированные грамзаписями, привели к тому, что изменились в целом взгляды на музыку. Лояльное отношение к музыке наблюдалось среди либеральных мулл. После 1905 года в некоторых мусульманских учебных заведениях были организованы собственные хоры и оркестры, часть татарской молодежи выбирала музыкальную сферу в качестве своей профессии.

В третьем параграфе *«Культурно-массовые мероприятия»* речь идет о возникновении клубной культуры, с литературно-музыкальными вечерами, концертами, театральными постановками, синемаатографом. Появлению татарских вариантов культурно-массовых собраний буржуазного характера предшествовало участие небольшой части городских татар в аналогичных русских мероприятиях еще во второй половине XIX века. Они посещали театры, танцевальные вечера и общественные сады, что натолкнуло их на организацию музыкальных вечеров и любительских спектаклей на татарском языке. С конца XIX столетия они проводились в домашних условиях, в медресе, втайне от администрации учебного заведения.

Официальных культурно-массовых мероприятий на татарском языке в это время не было. Известные массовые гуляния (джинены, сабантуи) осуждались мусульманским духовенством.

После 1905 года литературно-музыкальные вечера стали массовым явлением. Организаторы всегда выделяли конфессиональный характер вечеров. В татарской прессе различные авторы выступали в защиту мусульманских вечеров, акцентируя внимание на их просветительском значении. Однако наряду с этим они выполняли и развлекательные функции.

Мусульманские вечера в больших городах напоминали молодежи о своих корнях, помогали найти будущего супруга или супругу среди своих единоверцев, в какой-то мере они исключали возможность смешанных браков. Но все эти положительные стороны татарских литературно-музыкальных вечеров и театральных постановок часто были незаметны на фоне ускорившейся эмансипации женщин и все большего увлечения молодежи светской культурой. В татарском театре увеличилось количе-

ство спектаклей, высмеивающих религиозных деятелей и шариат, зрителей оскорблял звучащий на сцене громкий смех, демонстрация поцелуя⁶⁹.

Важным итогом эпохи литературно-музыкальных вечеров и в целом «клубного» этапа развития татарской культуры стало раскрепощение женщин. Они стали как зрительницами публичных зрелищ, так и участницами театральных постановок, концертов, лекций и т.д. Кроме того, музыкальная жизнь татар-мусульман благодаря этим вечерам приняла официальный статус, проходила в концертных залах, куда могли прийти все. Побочным эффектом устоявшейся новой формы досуга стало доминирование светской культуры, в ущерб религии. В 1920-е годы татарские культурно-массовые мероприятия стали одной из основных форм агитации против ислама.

В четвертом параграфе *«Коллекционирование и азартные игры»* рассматриваются различные хобби и игры, появившиеся преимущественно на буржуазном этапе развития татарского общества. Они сочетали в себе материализм и индивидуализм.

Предметом собирательства в состоятельных семьях были книги, оружие, старинные монеты, одежда и т.д. Коллекционирование позволяло выйти за пределы узкой торговой и производственной специализации, профессионально заняться каким-либо другим делом, приносящим яркие эстетические эмоции, подчеркивающим особый «элитарный» статус владельца. Коллекция свидетельствовала о том, что его владелец обладает достаточными материальными ресурсами и эрудицией. Татарские предприниматели собирали предметы с мусульманским акцентом, будь то монеты или оружие, т.е. через это пристрастие они пытались выразить свою самоидентификацию.

Азартные игры стали элементом городского образа жизни, характерного для широких слоев населения, где не было места религиозной идентификации. Здесь доминировала вера в удачу и скорый результат. Развитию данного направления досуга способствовали трактиры и клубы. Одним из самых популярных азартных развлечений в имперской России являлась карточная игра. Распространены были бильярд, лото, домино.

Новые формы свободного времяпрепровождения отражали изменения в мировоззрении людей. Через коллекционирование человек выражал свою особенность, образованность и другие качества, а в азартных играх проявлялась личная смекалка, вера в собственный успех, независимо от начальных условий.

---

⁶⁹ Мухаметшин Р.Г. Татарский традиционализм: особенности и формы проявления. – Казань, 2005. – С.125.

Шестая глава диссертации называется «**Новая система социальных ценностей**». Изменения в материальном пространстве и культуре досуга были тесно взаимосвязаны с системой ценностей. Трансформация ментальных установок в определенной степени была вызвана модернизацией материального мира и пропагандой буржуазной культуры.

В первом параграфе «*Двойные стандарты городских нравов*» рассматриваются мусульманские нормы и имеющиеся отступления от них, на основе этого анализа делаются выводы о переменах в морально-нравственных ориентирах татарского буржуазного общества. В условиях динамичного развития культуры потребления и отдыха, на фоне интеграции татар-мусульман в российское общество, дефицита времени менялись и религиозные традиции.

Мировоззрение у татар всегда было синкретичным, в котором совмещались исламско-языческие представления. Их синкретизм проявлялся в различных суевериях, гаданиях, вере в обереги, гороскопы, сонники. В эпоху буржуазных преобразований эти представления модифицировались, постоянно шли дискуссии о том, что запрещено, а что позволено верой. Часть общества внешне соблюдала ритуалы, но в определенных моментах поступки отличались от требований традиции. Двойные стандарты поведения критиковались на страницах татарской прессы и художественной литературы.

На рубеже XIX–XX века на фоне научно-технического прогресса у части молодежи наблюдались зачатки атеистических воззрений. Одним из основных сигналов о переменах в религиозном сознании являются факты суицида среди мусульман. Одной из причин самоубийств фигурировало злоупотребление спиртными напитками. Некоторые молодые люди открыто отрицали отдельные религиозные предписания (намаз, пост, посещение мечети и т.д.). Трансформация общины привела к тому, что в городах распространялась все большая анонимность, ослабел существовавший до этого социальный контроль, поэтому традиции иногда игнорировались.

Зародившаяся новая буржуазная культура: светская литература, публицистика, театральные постановки в подавляющем большинстве строилась на противопоставлении нового прогрессивного молодежного мира старому миру во главе с муллами. В татарской художественной литературе начала XX века основное место отводилось отсталым религиозным служителям. Персонажи «с непристойным поведением» были и в жизни⁷⁰. Но такими были не все муллы, однако именно подобные случаи броса-

---

⁷⁰ ЦИА РБ. Ф. И-295. Оп. 6. Д. 585. Л. 1–3; Оп. 3. Д. 12488. Л. 206; Д. 13058. Л. 4.

лись в глаза. Роль печати в создании отрицательного имиджа имамов была весьма существенной.

Практически каждое новое явление рубежа XIX–XX вв. вступало в противоречие с мусульманским восприятием мира. С появлением фотографии и кинематографа было пересмотрено отношение к изображению живых существ. То же самое касалось музыки, театральных постановок. Татары-мусульмане посещали русские трактиры, пользовались продукцией от самых разных производителей. К концу XIX века появляются и так называемые услуги для «мусульман». Это касалось публичных домов, трактиров.

Светская интеллигенция открыто протестовала против искаженной мусульманской «картины мира»: где с одной стороны все оставалось по-прежнему, с другой соблюдались не все религиозные нормы. При этом интеллигентов нельзя назвать людьми абсолютно неверующими. Многие из них прекрасно читали и разбирались в Коране, комментариях к нему. Таким образом, с усилением буржуазных свобод и развитием светской культуры, увеличилось число тех, кто отказывался следовать общим правилам приходской жизни, а религиозные убеждения, особенно молодежью, все больше рассматривались как элемент частной жизни и добровольный выбор человека.

Во втором параграфе *«Женский вопрос» в татарском обществе* рассматриваются истоки татарского феминизма, движущие силы этого явления и результаты деятельности по борьбе за права женщин в татарском обществе.

Пробуждение самосознания татарок являлось результатом буржуазных преобразований на общероссийском уровне. В зарождении феминизма значительную роль сыграли и мужчины. В начале XX века «женский вопрос» прочно занял место, как в татарской публицистике, так и в литературе. Мужчины-писатели подписывались женскими псевдонимами, чтобы привлечь еще больше внимания к нему⁷¹.

По сравнению с мусульманками Кавказа или Средней Азии, татарки были более независимыми. К 1917 году они достигли значительных профессиональных высот. Среди них были поэтессы, журналисты, учительницы, общественные деятели, актрисы, певицы. В определенной степени, это связано со сложившимися еще в средние века представлениями татар об общественной роли женщины. Представительницы ханской семьи, принимающие участие в политической жизни, пользовались большим уважением. В других мусульманских государствах таких случаев было

---

⁷¹ Гайнуллин М. Татарская литература и публицистика начала XX века. – Казань, 1983. – С.177; Бәшири З. Замандашларым белән очрашулар. – Казан, 1968. – Б.104, 219–220.

немного и почти всегда они вызывали негодование на разных социальных уровнях⁷².

Авангард татарского феминизма рубежа XIX–XX вв. был представлен женщинами из дворянско-интеллигентской среды. В конце XIX века они организовали работу Мусульманских дамских благотворительных обществ. Представительницы предпринимательства и духовенства открывали собственные женские школы и курсы рукоделия. Перед ними не стоял материальный вопрос, капитал отцов и мужей позволял существовать безбедно и создавать самой любое рабочее место.

В дискуссиях, развернувшихся в татарской среде, наметились две тенденции. Если светская интеллигенция выступала за полную эмансипацию татарок, то реформаторы, не отрицая значения женского образования, подчеркивали, что женщины должны быть под опекой мужчин.

К 1910-м годам в татарском «женском вопросе» появились заметные успехи. Функционировали женские школы, благотворительные общества, проводились женские съезды, татарки-мусульманки работали в образовательной и медицинской сфере, в периодических изданиях имелись женские рубрики и т.д. Внимание к женскому вопросу отразилось и на семейных отношениях. Подвергалось критике многоженство, женщины стали легче относиться к расторжению брака.

Одним из важных преобразований второй половины XIX века – начала XX века стало изменение гендерных ролей. Женщина из домохозяйки превратилась в активного субъекта социально-экономической и даже политической жизни. Развитие промышленности, социальной инфраструктуры открыло для неё новые возможности профессиональной реализации, что внесло определенные коррективы в патриархальный уклад жизни.

Третий параграф *«Кризисные явления семейной жизни»* посвящен проблемам брака и семьи. Основное внимание уделяется трудностям семейной жизни, связанным с такими моментами как многоженство, разводы, смешанные браки. Проблема взаимоотношения полов, семьи постоянно поднималась в татарской литературе, в прессе. Критиковались браки по расчету, многоженство. При этом если молодежь в начале XX века выступала за моногамные отношения, то зрелые люди, становление которых пришлось на 80–90-е годы XIX века, относились к многоженству с пониманием. Среди реформаторов-предпринимателей, прогрессивных мулл можно было встретить традиционную организацию семейной жизни. Это еще раз подтверждает мысль о том, что джадидизм не был направлен на слепое копирование западных идей. Внешне подчиняясь европейским законам, джадиды сохраняли свой внутренний стержень – религию и соот-

---

⁷² Еремеев Д.Е. Ислам: образ жизни и стиль мышления. – М., 1990. – С.202–203.

ветствующий ей образ жизни. Человек не посещал дома терпимости, а женился вторично и продолжал заботиться о первой супруге.

Во второй половине XIX – в начале XX века большее распространение получили разводы. Практика расторжения браков была обусловлена как особенностями вероисповедания, так и темпами буржуазного развития российского общества, где менялись нравственные устои, увеличилось количество асоциальных явлений (алкоголизм, проституция и т.п.), распространились идеи феминизма. Если во второй половине XIX века альтернативой разводу могла быть повторная женитьба мужа, то к началу следующего века образованные татарки являлись противницами многоженства и настаивали на моногамных семейных отношениях.

Новой проблемой рубежа XIX–XX веков стало появление смешанных браков. Проникновение в татарскую буржуазную среду европейского уклада жизни вымывало этноконфессиональные ориентиры. Особенно это было характерно для городов, где татары-мусульмане часто соседствовали с другими народами. Вопрос о связи мусульман с русскими девушками поднимался неоднократно и в татарской прессе. Одной из причин смешанных семейных союзов было желание видеть равного партнера, прежде всего, в интеллектуальном плане, стремление до брака иметь представление о будущей супруге. Смешанные браки являлись также и результатом интеграции татар в российское общество, трансформации их традиционного сознания. Но в целом, основная часть татар-мусульман избегала смешанных браков, стараясь сохранить свою религиозную и этническую идентичность.

Четвертый параграф называется *«Детство в буржуазных условиях»*. Буржуазная эпоха наряду с материально-потребительскими ценностями поставила вопрос о человеческой индивидуальности. Ребенок, воспринимаемый ранее как бесправное существо, оказался в центре социокультурной жизни. Методы татарского воспитания посторонними наблюдателями оценивались всегда довольно высоко. Но они касались материальных условий.

В России к проблеме детства обратили внимание в связи с высокой детской смертностью. Но среди татар-мусульман интерес к ребенку был обусловлен, прежде всего, вопросами образования. Проблемы мусульманских мектебов и медресе, методов воспитания и обучения стали основной темой татарской периодики начала XX века, художественной литературы тех лет.

Внимание к социальным аспектам формирования личности и отход от веры в генетическую обусловленность качеств характера, было тесно связано с буржуазным развитием общества. Нарушение общинных связей, рост индивидуализма, ослабление социального контроля вели к тому, что

многие дети отказывались жить по родительской модели. Поэтому в этот период наблюдалось повышенное внимание к педагогической литературе.

В жизни детей татарского буржуазного общества перемены коснулись как материальной сферы, так и духовной. Одежда из уменьшенного аналога взрослых фасонов, превратилась в оригинальные детские наряды. Разнообразие игрушек отражало меняющийся окружающий мир взрослых.

Самое главное, изменилась цель воспитания. Раньше родители ставили конкретную задачу, которая определяла будущую сословно-профессиональную, семейную жизнь ребенка. С наступлением буржуазной эпохи все более сложным становилось поддержание этой модели. Под влиянием гуманистических идей татарские образованные слои обозначили другую цель – развитие душевных качеств ребенка, раскрытие заложенного в нем потенциала. Акцент делался на достойном образовании, как для мальчиков, так и для девочек. Лишь знания и навыки могли помочь им выжить в новых условиях: когда нужно надеяться только на себя, а не на помощь общины или семьи. Это воспитание носило, главным образом, светский характер. Новыми явлениями в начале XX века стали выпуск татарской детской литературы, детских журналов, проведение детских вечеров. В то же время, в данной модели воспитания, безусловно, имела место и определенная религиозность.

В заключении подводятся основные итоги исследования.

Формирование стиля жизни татарского буржуазного общества было обусловлено развитием городской культуры, буржуазными преобразованиями в России, проникновением европейских новаций, джадидскими реформами в тюркском сообществе. Этот процесс стал переходным периодом от традиционного уклада к модернизированному образу жизни, начавшись во второй половине XIX века, он был прерван победой большевиков в 1917 году. Поэтому начатые до Октябрьской революции социальные преобразования до широких слоев населения дошли лишь в 1920-е годы, уже в советской интерпретации. В исследуемом нами периоде данные изменения были характерны для небольшой части татарской мусульманской общности, объединенной, главным образом, высоким материальным положением и уровнем образования. Стиль жизни сформировался в среде предпринимательства и интеллигенции (религиозной и светской).

На первом этапе данного процесса преобладали изменения в материальной сфере. Представители богатых семей копировали отдельные элементы домашнего обустройства, костюма привилегированных слоев российского общества.

Со второй половины XIX века активно развивалась сфера услуг. Условия жизни населения значительно улучшились с модернизацией транспортно-сервисной сферы и с расширением социальной инфраструктуры. Результаты научно-технического прогресса способствовали трансформации основ традиционного мировоззрения. Человек начал более рационально относиться к своему образу жизни, к собственному здоровью, к самореализации.

Рационализация поведения сочеталась с актуализацией материальных ценностей. Происходило это в первую очередь в городах. Овеществление социальных отношений сопровождалось ростом увлечений спиртными напитками, азартными играми и другими опасными производными буржуазного развития общества, идущими параллельно с уменьшением религиозности, изменением морально-ценностных координат. Религиозные воззрения татар-мусульман всегда были синкретичными, смешанными с языческими суевериями, продолжали они модифицироваться и в новую эпоху. Для объяснения динамики жизни требовалась другая идеология.

На втором этапе формирования стиля жизни татарского буржуазного общества, который начался в 1890-е годы, особую роль сыграли джадидские преобразования, они ускорили продвижение европейских тенденций в широкие массы. На данном этапе большое внимание придавалось поставщику услуг, присутствовало стремление к созданию мусульманского варианта европейской культуры. Приверженцы джадидских взглядов реализовывали в глазах татар-мусульман светские знания, музыку, изобразительное искусство, европейскую моду, не отрицали такие явления жизни, как страхование, кредитование, банковские вклады с процентами и т.д.

Исламская реформация подчеркнула особый путь европеизации мусульман, татары не должны были полностью раствориться в западном мире, а перенять лучшее и сохранить идентичность. Для того, что бы реализовать эти идеи, требовались квалифицированные специалисты, создание собственных учебных заведений, своих печатных органов, светской литературы, общественных организаций, мусульманских вариантов публичного досуга, в виде клубов, просветительских лекций и т.д. В этот период основной акцент делался на адаптированной инаковости. Это выражалось в городской моде, в организации досуга, в светской литературе и других моментах.

Третий этап формирования стиля жизни начался в революционные 1905–1907-е годы, в этот период стала доминировать светская культура, наблюдался отход от внешней религиозности. Преобразования в быту и общественной сфере отразились и на частной жизни. На данном этапе обострились противоречия между разными поколениями. Одной из причин конфликта стала имевшие место в татарском обществе двойные стандарты

поведения, когда демонстративная набожность сочеталась с отступлением от религиозных предписаний. Молодежь критиковала такой образ жизни, ориентиром для неё было светское образование и культура. Они не акцентировали внимание на религиозных чувствах, взгляды некоторых молодых людей граничили с атеизмом. Одним из результатов ослабления национально-конфессионального иммунитета стали смешанные браки.

Светскоориентированная молодежь не была однородной, из её среды выделялись люди стремившиеся создать особую национальную культуру, сохранить при новых условиях самобытность народа. Их идеи гуманизма, прогресса были направлены на развитие человеческой индивидуальности, свободу его волеизъявления. Эта была основная ценность буржуазного общества, где каждый имел право самостоятельно распоряжаться своей судьбой. В это время наметились положительные изменения в воспитании детей, изменилась роль женщин в семье и обществе.

Стиль жизни татарского буржуазного общества окончательно сформировался накануне Первой мировой войны. Его основными мотивами были стремление к образованию и прогрессу, личной успешности и конкурентоспособности, которые в конечном итоге способствовали полноценной интеграции татар-мусульман в российское общество. Для буржуазного стиля жизни были характерны европейский внешний вид человека, светская образованность, рациональное отношение к здоровью, моногамный брак, умеренная патриархальность в семье, активная общественная деятельность, латентная религиозность, светский образ жизни и вариативность досуга, финансовые гарантии будущего, социальная мобильность. Человек, переехавший в город, старался соответствовать тем или иным признакам данного стиля, что помогало ему быстрее адаптироваться и интегрироваться в российское общество.

В приложения включены описание татарских граммофонных записей фирмы «Пате», отложившихся в фондах BNF; биография врача Е.И. Карасинской, практиковавшей среди казанских татар в конце XIX века; выдержки из дореволюционной периодической печати о новых нравах во время отдыха в Крыму и комментарии автора к ним; частное мнение купеческого сына и ученого Г.С. Губайдуллина о смешанных браках.

Основные положения диссертационной работы нашли отражение в следующих публикациях:

Статьи в изданиях, рекомендованных перечнем ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации:

1. *Габдрафикова Л.Р.* Распространение медицинских услуг среди татар-мусульман во второй половине XIX – в начале XX века / Л.Р.Габдрафикова // Филология и культура. Philology and Culture. – 2012. – №3 (29). – С.211–216.

2. *Габдрафикова Л.Р.* «Новые люди» в татарском обществе в начале XX века: социально-экономическое положение учителей / Л.Р.Габдрафикова // Образование и саморазвитие. – 2012. – №6 (34). – С.210–215.

3. *Габдрафикова Л.Р.* «Я не европеец, и не азиат...» (Татарская городская мода в конце XIX – в начале XX века) / Л.Р.Габдрафикова // Родина. – 2012. – № 8. – С.148–150.

4. *Габдрафикова Л.Р.* Повседневная жизнь татарских шакирдов в конце XIX – начале XX в. / Л.Р.Габдрафикова // Известия Алтайского государственного университета. Серия «История», «Политология». – 2012. – №4–1 (76). – С.56–62.

5. *Габдрафикова Л.Р.* Развитие страховых услуг среди городских татар в конце XIX – в начале XX вв. / Л.Р.Габдрафикова // Казанская наука. – 2012. – №11. – С.35–37.

6. *Габдрафикова Л.Р.* Военная повседневность в татарских баитах / Л.Р.Габдрафикова, Р.Р.Салихов // Филология и культура. Philology and Culture. – 2012. – №4 (30) – С.305–308.

7. *Габдрафикова Л.Р.* Культура питания городских татар (конец XIX – начало XX в.) / Л.Р.Габдрафикова // Этнографическое обозрение. – 2013. – №2. – С.138–149.

8. *Габдрафикова Л.Р.* Татарские граммофонные записи в начале XX века / Л.Р.Габдрафикова, Р.Р.Салихов // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. – 2013. – №1. – С.148–151.

9. *Габдрафикова Л.Р.* Недвижимое имущество в городах Уфимской губернии в 1870–1892 гг.: общее и частное / Л.Р.Габдрафикова // Вестник ВЭГУ. – 2013. – №1 (63). – С.96–102.

10. *Габдрафикова Л.Р.* Роль физической культуры и спорта в повседневной жизни татар в конце XIX – в начале XX в. / Л.Р.Габдрафикова // Казанская наука. – 2012. – №12. – С.16–19.

11. *Габдрафикова Л.Р.* Модернизация жилого пространства у городских татар-мусульман в конце XIX – в начале XX вв. / *Л.Р.Габдрафикова* // Гуманитарные и социальные науки. – 2012. – №1. – С.475–477.

12. *Габдрафикова Л.Р.* Кадровая организация в органах городского самоуправления пореформенного периода (по материалам Уфимской губернии) / *Л.Р.Габдрафикова* // Социально-гуманитарные знания. – 2007. – №9. – С. 327–334.

Монографии:

13. *Габдрафикова Л.Р.* Повседневная жизнь городских татар в условиях буржуазных преобразований второй половины XIX – начала XX века / *Л.Р.Габдрафикова.* – Казань: Институт истории АН РТ, 2013. – 384 с. (24 п.л.)

14. *Габдрафикова Л.Р.* Города и горожане Уфимской губернии в 1870–1892 гг.: по материалам органов местного самоуправления / *Л.Р.Габдрафикова.* – Казань: Институт истории АН РТ, 2013. – 196 с. (12,2 п.л.)

Публикации в коллективной монографии и учебном пособии:

15. *Габдрафикова Л.Р.* Развитие музыкального и изобразительного искусства у татар до 1917 года / *Л.Р.Габдрафикова* // История татар с древнейших времен. – В семи томах. – Т VII. Татары и Татарстан в XX – начале XXI в. – Казань, 2013. – С.181–187.

16. *Габдрафикова Л.Р.* Внутренняя территориальная структура города. Местные органы власти и самоуправление в Уфе / *Л.Р.Габдрафикова* // Уфаведение (История Уфы с древнейших времен до XIX в.): учеб. пособие для общеобразовательных учебных заведений.– Уфа: Китап, Вагант, 2011. – С.116–138.

Прочие издания:

17. *Габдрафикова Л.Р.* «Помните меня без рисунка» (Распространение фотографических услуг среди татар в конце XIX – в начале XX века) / *Л.Р.Габдрафикова* // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2012. – № 1. – С.218–225.

18. *Габдрафикова Л.Р.* «Товарищ Апанаев! – обращаются к нему рабочие...» (о потерянном поколении татарской молодежи начала XX века: на примере Абдулхамида Апанаева) / *Л.Р.Габдрафикова* // Научный Татарстан. – 2012. – №3. – С.23–30.

19. *Габдрафикова Л.Р.* Татарская интеллигенция и «женский вопрос» в условиях модернизации империи (конец XIX – начало XX века) / Л.Р.Габдрафикова // Исторический опыт российских модернизаций XIX–XX вв.: специфика регионального развития. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2012. – С.108–116.

20. *Габдрафикова Л.Р.* Татарское мусульманское общество на рубеже XIX–XX веков: рождение «буржуазного урбанизма» / Л.Р.Габдрафикова // Хозяйствующие субъекты аграрного сектора России: История, экономика, право: сборник материалов IV Всероссийской (XII Межрегиональной) конференции историков-аграрников Среднего Поволжья (г. Казань, 10–12 октября 2012 г.) – Казань: Ин-т Татар. энциклопедии АН РТ, ГБУ «Республиканский центр мониторинга качества образования», 2012. – С.411–416.

21. *Габдрафикова Л.Р.* Шакирдская субкультура татарских медресе в конце XIX – начале XX веков / Л.Р.Габдрафикова // «Иж-Бубый» мәдрәсәсе: мәгрифәт үзәге һәм аның татар халкы тарихын һәм мәдәниятен үстерүгә керткән өлеше («Иж-Бубый» мәдрәсәсенә 230 еллыгына һәм Габдулла Бубыйның тууына 140 ел тулуга багышланган фәнни-гамәли конференция материаллары). – Казан: ТР ФА Ш.Мәржани исемендәге Тарих институты, 2012. – С.104–112.

22. *Габдрафикова Л.Р.* Муниципальная реформа и государственная власть в конце XIX века (на примере г. Уфы) / Л.Р.Габдрафикова // Ватандаш. – Уфа, 2008. – №6. – С.61–66.

23. *Габдрафикова Л.Р.* Татарская повседневность конца XIX – начала XX века в романе Галимджана Ибрагимова «Молодые сердца» / Л.Р.Габдрафикова // Г.Ибраһимов мирасы һәм төрки дөнья: Г.Ибраһимовның тууына 125 ел тулуга багышланган халыкара фәнни-гамәли конференция материаллары (17 апрель, 2012 ел). – Казан, 2012. – 131–133 б.

24. *Габдрафикова Л.Р.* История городской повседневности в материалах городских дум пореформенного времени / Л.Р.Габдрафикова // Сборник материалов итоговой конференции молодых ученых и аспирантов Института истории АН РТ за 2008 г. / под ред. М.М.Гибатдинова, Б.И.Измайлова. – Казань: Институт истории АН РТ, 2009. – С.14–17.

25. *Габдрафикова Л.Р.* Татарское мусульманское общество в условиях европеизации (к. XIX – н. XX вв.) / Л.Р.Габдрафикова // Традиционные общества: неизвестное прошлое: материалы VII Междунар. науч.-практ. конф., 25–26 апреля 2011 г. / редколлегия: Д.В.Чарыков (гл. ред.), О.Д.Бугас, И.А.Толчев. – Челябинск: Изд-во ЗАО «Цицеро», 2011. – С.165–170.

26. *Габдрафикова Л.Р.* Основы социальной политики в деятельности органов городских самоуправлений России пореформенного периода (на

примере г. Уфы) / Л.Р.Габдрафикова // Сборник статей участников IV Международной научно-практической конференции. Проблемы устойчивого развития городов. Научное издание. Том 1 / Отв. ред. К.В.Криничанский. – Миасс: Геотур, 2007. – С.201–203.

27. Габдрафикова Л.Р. Социальная жизнь татар-мусульман на рубеже XIX–XX вв. в художественной интерпретации Гаяза Исхаки / Л.Р.Габдрафикова // Облик российской провинции: исторические и современные социокультурные проблемы: V Международные Стахеевские чтения: Материалы научной конференции. – Елабуга, 2012. – С.98–105.

28. Габдрафикова Л.Р. Делопроизводственная документация городских самоуправлений пореформенного периода как источник для изучения социальной истории (по материалам Уфимской губернии) / Л.Р.Габдрафикова // Реформа местного самоуправления: исторический опыт и современность: сб. материалов всерос. заоч. конф. (март 2008). – Магнитогорск: МаГУ, 2008. – С.27–30.

29. Габдрафикова Л.Р. Предпосылки возникновения татарского изобразительного искусства (конец XIX – начало XX века) / Л.Р.Габдрафикова // Творчество Баки Урманче и актуальные проблемы национального искусства: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 115-летию со дня рождения Б.И.Урманче, Казань 21–22 февраля 2012 года. – Казань, 2012. – (Искусство тюркского мира; вып. 2.). – С.175–180.

30. Габдрафикова Л.Р. Фотография в жизни татар-мусульман в начале XX века / Л.Р.Габдрафикова // XX–XXI века в истории России: актуальные проблемы. Сбор. статей VII Международной научно-практической конференции. – Пенза: РИА ПГСХА, 2011. – С.43–47.

31. Габдрафикова Л.Р. Социально-экономическое положение Мензелинска в пореформенное время / Л.Р.Габдрафикова // История и культура народов Поволжья: региональные аспекты исследования: сборник статей/ Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ. – Казань: Издательство «ЯЗ», 2011. – С.140–148.

32. Габдрафикова Л.Р. Буржуаз жәмгыятьтә татар хатын-кызларының яңа мөмкинлекләре (XX гасыр башы) / Л.Р. Габдрафикова// Габдулла Апанасьев (1862–1919) – известный татарский педагог и общественный деятель: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Казань, 29 марта 2012 г.). – Казань: Институт истории АН РТ, 2012. – С.210–215. – На тат. яз.

33. Габдрафикова Л.Р. «Древние тюрки говорили "вперед", обозначая этим "на Восток"» (фрагменты из лекций Гали Рахима «Фольклор казан-

ских татар» / Л.Р.Габдрафикова // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2012. – №3//4. – С.177–185.

34. *Габдрафикова Л.Р.* Великий почин барышни-врача Екатерины Карасинской. Что значила сто лет назад женщина-врач для мусульманок / Л.Р.Габдрафикова // Казань. – 2012. – №6. – С.30–33.

35. *Габдрафикова Л.Р.* Отношение к смешанным бракам в татарском мусульманском обществе в конце XIX – начале XX века / Л.Р.Габдрафикова // Этнические меньшинства в Европе и России: проблемы культуры и повседневности / Материалы Всероссийской научной интернет-конференции молодых ученых. – Карачаевск: КЧГУ, 2011. – С.23–27.

36. *Габдрафикова Л.Р.* История повседневности г. Уфы в конце XIX – начале XX вв. в материалах городского общественного управления / Л.Р.Габдрафикова // Изучение повседневности в отечественной и зарубежной исторической науке: материалы V межрегиональной студенческой научной конференции 5–6 апреля 2007 года. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2007. – С. 57–59.

37. *Габдрафикова Л.Р.* Роль татарской буржуазии в социально-экономической жизни Уфы на рубеже XIX–XX веков / Л.Р.Габдрафикова // Сборник научных трудов молодых ученых и аспирантов за 2011 год / Под ред. Б.И.Измайлова. – Казань: Институт истории АН РТ, 2012. – С.9–17.

38. *Габдрафикова Л.Р.* Распространение медицинского образования среди татар (XIX – начало XX века) / Л.Р.Габдрафикова // Габдулла Апа-наев (1862–1919) – известный татарский педагог и общественный деятель: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Казань, 29 марта 2012 г.). – Казань: Институт истории АН РТ, 2012. – С.69–75.

39. *Габдрафикова Л.Р.* Губернское по городским делам присутствие как один из субъектов городского самоуправления пореформенного периода (на примере Уфимской губернии) / Л.Р.Габдрафикова // Первые Кремлевские чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции «Региональные аспекты губернских реформ XVIII–XIX веков России» (Казань, 21–28 ноября 2008 г.). – Казань: Изд-во: «Фэн» АН РТ, 2010. – С.45–51.

40. *Габдрафикова Л.Р.* Повседневная жизнь шакирдов в художественных произведениях Гаяза Исхаки (кон. XIX – нач. XX вв.) / Л.Р. Габдрафикова // Человек в российской повседневности: история и современность: сборник статей IV Международной научно-практической конференции. – Пенза: РИА ПГСХА, 2011. – С.53–56.

41. *Габдрафикова Л.Р.* Роль звукозаписи в становлении татарской буржуазной культуры (конец XIX – начало XX в.) / Л.Р.Габдрафикова //

Этносы и культуры Урало-Поволжья: история и современность: материалы V Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых. – Уфа: ИЭИ УНЦ РАН, 2011. – С.49–54.

42. *Габдрафикова Л.Р.* «Туманное» искусство. Синематограф на татарский лад / Л.Р.Габдрафикова // Казань. – 2012. – №10. – С.54–57.

43. *Габдрафикова Л.Р.* Роль книги в татарской повседневности (конец XIX – начало XX века) / Л.Р.Габдрафикова // Тюркоязычная книга: наследование веков: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной истории тюркоязычной книги (Казань, 17–18 октября 2012 г.). – Казань, 2012. – С.244–249.

44. *Габдрафикова Л.Р.* Влияние русской культуры на городских татар (конец XIX – начало XX века) / Л.Р.Габдрафикова // Романовские чтения. Кострома и судьбы российской государственности: материалы конференции, Кострома, 15–16 марта 2012 года / сост. и науч. ред. А.Д. Шипилов. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2012. – С. 199–203.

45. *Габдрафикова Л.Р.* Произведения Р.Фахреддина как источник по изучению модернизационных изменений в татарском мусульманском обществе (конец XIX – начало XX века) / Л.Р.Габдрафикова // Эволюция гуманистической мысли в творчестве Р.Фахреддина. Материалы Международной научно-практической конференции, приуроченной к 60-летию г.Альметьевска и 70-летию начала разработки месторождений нефти в Татарстане (18–19 апреля 2013 г.). В двух частях. – Часть 1. – Казань: Республиканский центр мониторинга образования, 2013. – С.122–126.

46. *Габдрафикова Л.Р.* «Сядишься за преферанс и начинаешь щекотать нервы...» (Азартные игры в быту татар в конце XIX – начале XX вв.) / Л.Р.Габдрафикова // Гасырлар авазы = Эхо веков. – 2013. – № 1/2. – С.218–222.

Подписано в печать 14.06.2013 г. Формат 60×84 ¹/₁₆
Тираж 150 экз. Усл. печ. л. 3,25

Отпечатано в множительном центре
Института истории АН РТ
г. Казань, Кремль, подъезд 5
Тел. (843) 292-95-68, 292-18-09